

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(7)

ISSN 1681-1062

Научный журнал

Основан в январе 2001 года

Выходит два раза в год

Редакционная коллегия:

А. М. Молдован (главный редактор), А. А. Алексеев, Х. Андерсен (США), Ю. Д. Апресян, А. Богуславский (Польша), И. М. Богуславский, Д. Вайс (Швейцария), Ж. Ж. Варбот, А. Вежбицкая (Австралия), М. Л. Гаспаров, А. А. Гиттиус, М. Ди Сальво (Италия), Д. О. Добровольский, В. М. Живов, А. Ф. Журавлев, А. А. Зализняк, Е. А. Земская, Х. Кайперт (Германия), Л. Л. Касаткин, Э. Кленин (США), А. Д. Кошелев, Л. П. Крысин, Р. Ляковский (Швеция), Х.-Р. Мелиг (Германия), И. Мельчук (Канада), Н. Б. Мечковская (Беларусь), Е. В. Падучева, А. А. Пичхадзе (ответственный секретарь), Т. В. Рождественская, А. Тимберлейк (США), Х. Томмола (Финляндия), М. Флайер (США), А. Я. Шайкевич, А. Д. Шмелев

Адрес редакции:

121019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Редакция журнала “Русский язык в научном освещении”.

Тел.: (095) 201-79-92, факс: (095) 291-23-17, e-mail редакции журнала: russyaz@yandex.ru, e-mail издательства: lrc@comtv.ru

Зав. редакцией *Н. Н. Розанова*

Редакторы номера *А. А. Пичхадзе, А. В. Гик*

Корректор *О. Н. Заикина*

Оригинал-макет подготовлен *Л. Кисличенко*

Издатель *А. Д. Кошелев*

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи по Объединенному каталогу “Печать России”, индекс 44088.

G.E.C.Gad Booksellers, Slavic Department, Ndr.Ringgade 3, DK-8000 Aarhus C, Denmark (Fax: +54 86 209102; E-mail: slavic@gad.dk) have the exclusive right to distribute this publication in Europe and the United States.

Исключительное право на распространение журнала в Европе и США принадлежит датской книготорговой фирме G•E•C GAD (fax: +54 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk).

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2004

© Авторы, 2004

Подписано в печать 27.07.2004. Формат 70×100 ¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. п. л. 26,45. Заказ №

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

| | |
|--|-----|
| <i>Ю. Д. Апресян.</i> Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства | 5 |
| <i>Н. А. Купина, И. В. Шалина.</i> Современное просторечие: взгляд изнутри | 23 |
| <i>Н. А. Николина.</i> Грамматические термины в русской поэзии | 63 |
| <i>Р. Н. Кривко.</i> Графико-орфографические системы Бычковско-Синайской псалтири. I | 80 |
| <i>О. Ф. Жолобов.</i> Заметки о древнерусских числительных. I: Природа числительных в генетическом аспекте | 125 |
| <i>Ю. В. Кагарлицкий.</i> Придаточные определительные с союзным словом <i>кой</i> в русском литературном языке первой половины XVIII века | 136 |
| <i>А. П. Майоров.</i> Нормативное и узуальное в правописании приставок и предлогов на <i>з/с</i> в деловой письменности XVIII в. | 157 |
| <i>А. А. Гиппиус.</i> Социокультурная динамика письма в Древней Руси. (О книге: S. Franklin. Writing, Society and Culture in Early Rus, с. 950—1300, Cambridge, 2002) | 171 |

Публикации

| | |
|---|-----|
| <i>О. В. Никитин.</i> Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») | 195 |
|---|-----|

Информационно-хроникальные материалы

| | |
|--|-----|
| Международные семинары по русскоязычной диаспоре: «Русскоязычное население Финляндии», Хельсинки, 25—26 сентября 2003; «Русский язык в диаспоре», Хельсинки, 27—28 сентября 2003 (<i>М. А. Осипова</i>) | 229 |
|--|-----|

| | |
|--|-----|
| Хроника международной научной конференции-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX—XXI веков и современные литературные стратегии» (О. В. Тищенко, Н. А. Фатеева) | 235 |
|--|-----|

Рецензии и обзоры

| | |
|---|-----|
| <i>Н. В. Семенова.</i> Таксис: история изучения и современное понимание | 249 |
| <i>М. В. Зарва.</i> Русское словесное ударение. Словарь. Около 50 000 слов. — М., 2001; <i>Ф. Л. Агеенко.</i> Собственные имена в русском языке. Словарь ударе- ний. Более 35 000 словарных единиц. — М., 2001 (<i>Н. А. Еськова</i>) | 272 |
| <i>Erika Günther.</i> Das deutsch-russische Sprachbuch des Heinrich Newenburgk von 1629.— Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1999 (Berliner slawistische Arbeiten; Bd. 7) (<i>Ф. Б. Альбрехт</i>) | 279 |
| Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache // Herausgegeben von Helmut Keipert in Verbindung mit Andrea Huterer / Bayerische Akademie der Wissenschaften (<i>Е. Бабаева</i>) | 286 |
| Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / Отв. ред. М. Б. Хомяков, Н. А. Купина. — Екатеринбург, 2003 (<i>М. Я. Дымарский</i>) | 297 |

Новые книги

| | |
|---|-----|
| Patrick Sériot (éd.). Le discours sur la langue en URSS à l'époque stalinienne (épistémologie, philosophie, idéologie) | 313 |
| Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 3-й вып. | 313 |
| Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей | 314 |
| Проблемы фонетики. IV: Сб. статей | 316 |
| <i>Werner Lehfeldt.</i> Akzent und Betonung im Russischen | 317 |
| Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. | 319 |
| <i>Г. Ф. Ковалев.</i> Ономастические этюды: писатель и имя | 320 |
| <i>М. В. Шульга.</i> Развитие морфологической системы имени в русском языке | 322 |
| <i>Г. Ф. Ковалев.</i> Этнос и имя | 322 |
| Именослов: Заметки по исторической семантике имени | 323 |
| <i>В. А. Баранов.</i> Формирование определительных категорий в истории русского языка | 325 |
| Энциклопедия русского игумена XIV—XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского | 326 |
| Новгородская служебная минея на май (Путятин минея) | 326 |
| Мазуринская Кормчая: Памятник межславянских культурных связей XIV—XVI вв. | 327 |

Р. Н. КРИВКО

ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ БЫЧКОВСКО-СИНАЙСКОЙ ПСАЛТИРИ. I*

Темой статьи является описание графико-орфографических особенностей одной из древнейших восточнославянских псалтирей — Бычковско-Синайской (далее: БСП). Названная рукопись содержит Псалтирь с библейскими песнями («Псалтирь с прибавлениями»), которая сохранилась в трех отрывках. Первый, объемом восемь листов (РНБ. Q. п. I. 73; далее: L), известен как «Бычковская псалтирь» (по имени первого известного владельца памятника, академика А. Ф. Бычкова). Два других отрывка, 135 и 17 лл., хранятся в собрании славянских рукописей монастыря св. Екатерины на Синае (шифры, соответственно, sin. slav. 6.0¹ и sin. slav. 6/n). БСП — одна из пяти славянских псалтирей XI в., к которым относятся еще старославянская глаголическая Синайская псалтирь, древнерусские псалтири Евгениевская, Чудовская с толкованиями св. Феодорита Киррского, утраченная ныне Слуцкая, а также текст Псалтири на новгородских церках первой трети XI в. [Зализняк, Янин 2001]. По объему сохранившегося текста БСП превосходит все древнерусские псалтири XI в. и является самым полным и самым характерным представителем той древней редакции Псалтири XI в., которую принято называть «второй редакцией» (первая редакция, или древнейшая, представлена старославянской глаголической Синайской псалтирью, а так называемая «толковая», т. е. с толкованиями св. Феодорита Киррского, — древнерусской Чудовской псалтирью) [MacRobert 1989: 4—28; 1990: 8, 11—15; 1991: 405—417; 1998: 928—933; 2003; 2003a: 288]².

* Приношу глубокую благодарность В. Б. Крысько и А. А. Пичхадзе за советы и замечания, высказанные при подготовке статьи. Выражаю свою признательность Х. Микласу (Вена) за консультации по ряду вопросов, связанных с глаголической письменностью.

¹ Далее при цитировании данного отрывка шифр не указывается, а приводятся только номера листов. Рукопись цитируется по фототипическим изданиям М. Альтбаэра — Г. Ланта и И. Тарнанидиса (см. БСП в списке сокращений).

² В работах К. М. Макробрет [MacRobert 1989; 1990; 1991; 1998] доказывалось древнерусское происхождение «второй» редакции. В своем итоговом докладе, прочитанном на XIII Международном съезде славистов в Любляне, К. М. Макробрет

Графика и орфография БСП описана лишь частично. Наибольшее количество работ посвящено петербургскому отрывку (Бычковской псалтири) [Срезневский 1875; Кузнецова 1967; Тот 1975; Тот 1985: 46—51, 98—103, 163—167 и др.]. Издан этот отрывок был трижды: И. Х. Тотом в приложении к его статье [Тот 1975], М. Альтбауэром и Г. Лантом (см. БСП в списке сокращений) и В. Христовой [Христова 1991]. Первые два издания фототипические, последнее — наборное, к нему составлен словоуказатель. Самую значительную часть БСП — 135 лл. — нашел в славянском собрании монастыря св. Екатерины на Синае Г. Лант [Lunt 1976] и в 1978 г. издал фототипически совместно с М. Альтбауэром (см. БСП ниже в списке сокращений). Во вступительной статье к изданию на основании анализа почерков рукопись датируется концом XI — началом XII века, позднее ей был присвоен шифр *sin.slav. 6.0* [Tarnanidis 1988, 109—110]. В 1975 году И. Тарнанидис обнаружил в синайском собрании славянских рукописей третью часть той же псалтири, *sin.slav. 6/n*, 17 лл. [Tarnanidis 1988, 109—110], и в 1988 году издал ее фототипически [Tarnanidis 1988, 249-281]. Издание сопровождается описанием, в котором рукопись датируется концом XI — началом XII века [Tarnanidis 1988: 109-110]. В новейшей научной литературе более ранняя датировка — XI в. [Зализняк, Янин 2001: 19; Jurić-Kappel 2000: 191]. Текстологическое исследование синайской части рукописи и общее описание орфографических особенностей ее меньшей части представлено в статье А. Тодорова [Тодоров 1990], выводы которого — по части текстологии — были подвергнуты критике К. М. Макробрет [MacRobert 2003]. Исследованию же орфографических особенностей всего памятника на общеславянском фоне посвящены короткая заметка [Кривко 1996], энциклопедическая статья [Кривко 2003] и пространное неопубликованное исследование [Кривко 1998a], подготовленное под руководством профессора И. Г. Добродомова.

Три части БСП содержат в общей сложности 160 лл., на которых представлены (с лакунами) тексты Псалтири и библейских песней. На нижних и верхних полях рукописи находятся сделанные киноварью гадательные приписки — короткие изречения, в том числе предсказания, по которым пытались понять свою судьбу. Гадательные приписки БСП — самые древние в истории славянской письменности, они не находят параллелей среди более поздних аналогичных записей, специально изученных М. Н. Сперанским

пришла к выводу, что «вторая редакция и редакция с толкованиями Феодорита Кирского, имея, безусловно, общую основу в виде первой редакции, отражают различные процессы редактирования и интерпретации с использованием отличающихся друг от друга греческих текстов. (...) Таким образом, признавая независимость двух редакций друг от друга, обе они не могут быть отнесены к одной и той же “преславской школе”. (...) Утверждения, что вторая редакция связана с Преславом, не имеют достаточных оснований (*are by comparison weak*), ее происхождение продолжает оставаться неясным» [MacRobert 2003; ср.: MacRobert 2003a, 288]. Пользуюсь случаем поблагодарить К. М. Макробрет за возможность ознакомиться с полным текстом доклада.

[Сперанский 1899]. После работы М. Н. Сперанского гадательные приписки не публиковались и не исследовались, не упомянуты они и в недавно созданной типологии писцовых записей, приписок, помет и других так называемых «вторичных текстов» древнерусских кодексов [Столярова 1998: 27—49]. Сказанное означает, что содержание гадательных приписок заслуживает отдельного исследования, не только лингвистического, но и общепилологического, литературоведческого.

Части БСП располагаются в следующей последовательности, ср. [Тодоров 1990: 50; в работе не указаны начальные слова отрывков]:

1) Псалтирь — sin.slav. 6/n, 1—8 об., начиная со слов *врагоу оскоудѣша оружиѣ въ коньцѣ* (Пс. 9:7) до слов *избавит(ь)ль мой* (Пс. 17:3), далее лакуна; sin.slav. 6/n, 9—9 об., со слов *Избави мѧ отъ врагъ* (Пс. 17:18) до слов *нозѣ мой яко елени* (Пс. 17:34); L, 1—8 об., со слов и на *высокихъ поставила мѧ* (Пс. 17:34) до слов *възненавидѣша мѧ* (Пс. 24:19); sin.slav. 6/0, 1—100 об., со слов *схрани шю мою* (Пс. 24:20) до слов *спси ны гѣ бѣ нашъ* (Пс. 105:47), далее лакуна; sin.slav. 6/0, 101—124 об., со слов *желаниѣ грѣшникъ погубити* (Пс. 111:10) до слов *гѣ има твоѣ въ вѣкѣ* (Пс. 134:13—9 об.), далее лакуна; sin.slav. 6/0, 125—133 со слов *избави мѧ отъ гонящихъ мѧ* (Пс. 141:7) до слов *ѡахъ ноше/ниѣ* (вместо *поношение*; греч. *ὄνειδος*) *отъ снѣгъ илѣтъ* (Пс. 151:7);

2) библейские песни: sin.slav. 6/0, 133—133 об., с начальных слов первой из них (*пѣ · мариагъ · сѣрты мѡѡ/сѣвты · и аароновты ·* · — *Поимъ гви* <титло не читается> *славнь* <так!> *во прослависѧ* (Исх. 15:1) до слов *въ стынхъ дивнь* <так!> *въ главахъ* (текст наведен поверх угасшего, титло не читается; (Песнь I) Исх. 15:11); sin.slav. 6/n, 10—17 об., со слов *творамъ уюде-са ·* (Песнь I; Исх. 15:11) до слов *развѣ / во тебе иного не вѣмъ (оѡдоев) има твоѣ //* (Песнь V; Ис. 26:13); sin.slav. 6/0, 134—135 об., со слова *нарицаймъ ·* (Песнь V; Ис. 26:13) до слов *лжквнѣишѧ / пауче всѣи земли* (Песнь VII; Дан. 3:32). Окончание библейских песней утрачено. Представленное здесь описание позволяет исправить ошибку, допущенную в более раннем и менее полном описании состава памятника [Tarnanidis 1988: 109—110]: лл. 10—17 sin.slav. 6/n восполняют лакуну не между лл. 125 об. и 126 sin.slav. 6/0, как сказано в каталоге, а между лл. 133 об.—134, тогда как на отмеченном И. Тарнанидисом отрывке лакуны нет.

Над БСП изначально работали три писца [Lunt 1976] (далее: БСП¹, БСП², БСП³). БСП¹ занимает пространство от начала всего сохранившегося текста до шестой строки л. 13 (то есть на промежутке sin.slav. 6/n, 1—9 об., L (полностью), sin.slav. 6/0, 1—13) и от первой строки л. 17 до л. 42 sin.slav. 6/0. Почерку БСП¹ принадлежат и гадательные приписки на нижних и верхних полях листов. БСП² включает в себя оставшуюся часть текста Псалтири и библейские песни (sin.slav. 6/0, 42 об.—135 об.; sin.slav. 6/n, 10—17 об.). БСП³ содержит текст Псалтири с 7-й строки sin.slav. 6/0, 13 до sin.slav. 6/0, 16 об. Лист 60 об. sin.slav. 6/0 был оставлен незаполненным, значительно позднее на нем был повторно написан 151-й псалом. Написанный тремя

основными писцами текст Псалтири прошел правку, о чем можно судить по вписанным между строками отдельным стихам псалмов. Судя по языковым данным, эта правка была сделана одновременно с основным текстом, однако приемы письма правщика отличны от тех, которыми пользовались основные писцы.

Первоначально написанный текст рано начал выцветать, поэтому он во многих местах либо наведен, либо поверх него написан новый. Как полагал Г. Лант, поновление делалось древнерусскими (XII в.) и сербскими (XIII в.) писцами, которые оставили также различные по содержанию маргиналии.

Для анализа графики и орфографии БСП важен тот факт, что текст рукописи представляет собой единую редакцию Псалтири, следовательно, различие в приемах письма всех писцов и правщиков памятника не обусловлено текстологической традицией либо влиянием протографов, а является отражением индивидуальных навыков древнерусских и южнославянских книжников, что служит еще одной иллюстрацией плодотворной идеи об автономности письменного узуса [Живов 1998]. Манера письма всех трех основных писцов и первого правщика, вписавшего между строк пропущенные стихи, сходна: начертания букв наклонные, их высота меняется не только на отдельных листах, но даже в пределах одной строки, письмо беглое. С характером письма согласуется и скромное художественное оформление БСП: рукопись украшена киноварными инициалами старовизантийского стиля, выполненными, возможно, самими писцами. Листы на внешних углах и в центре у сгибов сильно загрязнены от длительного использования и местами проклеены кусочками листков из какой-то средневековой греческой рукописи.

Далее описаны графика и орфография всех писцов БСП, включая правщиков основного текста (в первой части статьи описывается БСП¹).

Используемые в БСП¹ буквы и варианты, датирующие начертания

Буквы и варианты, используемые в БСП¹, следующие: а б в г д е ж з и ї (і) к л м н о ѿ [широкое очное] п р с т оу ѝ ф х ѡ ц ч ш щ ѣ ю (оі) га ѣ ѡ (ж) ѱ ү (v). Палеографической приметой рукописи являются начертания омеги (ѡ) и ѣ. Вариант ѡ отмечен девять раз, причем четырежды в начале строки: / ѡ влистаніа sin.slav. 6/n, 4 об. / И ѡ ненавидаціи хъ 9; / Яще ѡпъльчутьса (на ма пълкѣ) 2; / И ѡтѣ (въсѣхъ скърви) 9. Четыре раза вариант ѡ отмечен в составе лигатуры ѡѣ: не ѡѣми ѡ мен... 31 (возможно, текст наведен поздним правщиком), ѡ врагѣ sin.slav. 6/n, 8 об.; один раз верхний элемент лигатуры пропущен в результате описки: ѡмѣтанѣть 8, вместо ѡмѣтанѣть. Средний элемент варианта ѡ в этих написаниях доходит до верхней строки, петли не разведены, что представляет собой архаическую черту [Князевская 1999: 30], в рукописях XI в. вариант ѡ пишется так «почти без исключений» [Щепкин 1967: 112]. Одно из этих исключений — облик оме-

ги **ω** в гадательной приписке на л. 17 об. в составе предлога **ω̄**: **ω̄** (печали <слева к букве **ε** приписана петля буквы **α**>). Здесь средний элемент **ω** не доходит до верхнего уровня строки, петли слегка сведены. Это написание — второй пример обозначения предлога *отъ* в виде лигатуры, в остальных случаях в БСП¹ используется более древнее по происхождению [Князевская 1999: 32] сочетание **отъ**.

Мачта буквы **ѣ** едва выступает над верхним уровнем строки, горизонтальная черта расположена на верхней линии строки. Такое начертание не характерно для XI века и встречается только в Изборнике 1073 г., широкое же распространение оно получает в XII в. [Щепкин 1967: 112]

Буква **ж** и варианты **ѵ** («укороченный» вариант ижицы **ѳ**), **о** («зеркальное» **ю**), строго говоря, не могут считаться постоянной характеристикой БСП¹, так как используются они крайне редко. Диграф **о** отмечен один раз в конце строки (облыгахѳ ма зане гонахъ) блѣстѣнои / 17 об. (без соединительной линии, или она не читается на фотокопии). Древнейший пример зеркального **о**, правда, с соединительной линией, известен в Ен.: вѣ/зловѣнѣ 149 (366—7). Такой вариант буквы **ю** встречается в древнерусских Пандектах Антиоха XI в., Изборнике 1073 г., в рукописи 13-ти слов Григория Богослова, в Толстовской псалтири, а также в южнославянских Охридском апостоле XII века, в Болонской псалтири, в Погодинской псалтири [Гольшенко 1987: 48]. Вариант диграфа **о** особенно свойствен болгарским памятникам, написанным на Западе, в области Солуни и Охрида [Карский 1979: 170], он известен и в новгородской берестяной письменности с древнейшего ее периода, где выступает в ряду других зеркальных написаний [Worth 1985; Янин, Зализняк 2000: 212—213]. Существует гипотеза, согласно которой «зеркальное» **о** указывает на греческий диграф **οι** как прототип кириллического **о** [Дурново 1926: 686]. Эта гипотеза объясняет распространенность «зеркального» **ю** на западе древнеболгарского ареала, а также в области Солуни, то есть в славяно-греческой контактной зоне. Написание «зеркального» **ю** в книжном памятнике со столь сильно русифицированной орфографией, т. е. в БСП¹, уникально.

Дважды в БСП¹ отмечено уникальное для рукописей XI в. написание варианта буквы **ѳ** в виде **ѵ**, из них один раз в составе диграфа: да ѳѵслышати 9 (над диграфом стоит надстрочный знак, похожий на дугу), скѵ/мѣнѣ 36. Отмеченные примеры представляют собой древнейшие известные случаи употребления варианта **ѵ** (не **ѳ**!) в славянской письменности. Считается, что ижица, «написанная как **ѵ**, встречается редко и, в основном, в заглавиях» [Илчев, Велчева 1995: 50]. Эти сведения не нашли отражения в [SJS 52 (1997): 1040], где сказано, что ижица «в древнейших кириллических рукописях, а именно в Sav. и Supr., имеет начертание **ѳ**, в более поздних — также **ѵ**». Примеры из «заглавий» и «более поздних рукописей» не приведены, поэтому можно утверждать, что до сего дня самым ранним известным примером употребления варианта **ѵ** были его написания (в том числе в составе диграфа) в заимствованных словах МЕ (до 1117 г.): и/совсовѣ 210 (1566—

18—19), *исовсовама* 78 (43а—4), *їсовсовоу* 222 (166в—2—3), *ївон* 125 (846—1); *eva(r)*./ *ѡ ї* ~ / 249 (1866—2, в заглавии зачала). О написаниях *v* в качестве второго элемента диграфа в этом источнике впервые упомянул Е. Ф. Карский [Карский 1979: 199], правда, не приведя примеров; *v* «без хвоста и с хвостом, обычно с надстрочным знаком в форме будущей оксии» упомянуто в описании МЕ [Жуковская 1983: 15]³.

В БСП¹ трижды использована буква *ж*: *жстрашишася* *slav. slav.* б/п, б; *моѡж* 3 об.; *пжть* 7 об. К числу мало характерных для БСП¹ букв относится *у*: в трех случаях она отмечена соответствия с греческой *υ*: / *Змурьна* 24 об., греч. *σούρηνα*; *түрова* 25, греч. *Τύρου*; *күминъ* *slav. slav.* б/п, 8 об., греч. *σκούμος*; в этот же ряд можно отнести уже упомянутое *скв/минъ* 36. В двух случаях *у* использована в славянских лексемах как эквивалент *ю*: *лүта* / 10, *пстүрү* (вос.; 36 об., 12-я буква в строке из 18-ти). Особого внимания заслуживают написания *у* со значением ⟨u⟩ в сочетании ⟨Cu⟩ на месте этимологического ⟨q⟩. Как было сказано, буква *ж* отмечена в БСП¹ три раза, и столько же раз на ее месте встретилась *у*⁴. Написания *зүви* 36, *въстанү* 36 об., *гүсли* 36 об. отмечены на коротком отрезке текста не в конце строк, что свидетельствует об отсутствии описки или стремления к особому экономному письму в конце строки. Один раз *у* написана на месте *ѡж*: *пърү* *ass. sg.* 12 (16-я буква в строке из 19-ти). Буква *ѡж* не используется в БСП¹, однако большой юс отмечен в позиции начала слога как древнерусский эквивалент *ю*: *моѡж* 3 об. Нетрудно заметить, что обе буквы, *ж* и *у*, употребляются в БСП¹ безразлично к твердости или мягкости (а также палатальности) предшествующего согласного и независимо от наличия йота⁵, что позволяет судить об их функциональной близости.

³ В более ранней обстоятельной монографии К. И. Невоструева о Мстиславовом евангелии, впервые опубликованной по авторской рукописи лишь в 1997 г. [Невоструев 1997], буква *v* передана (издателями?) как *у* [Невоструев 1997: 582].

⁴ В данной статье не разделяются монограф *у* как функциональный эквивалент *оу* и ижица *у* как эквивалент *ю*. Многофункциональность кириллической *у* сопоставима с такой же неопределенностью глаголической *ѡ*. Так, если в *Мар.* буква *ѡ* (*v*) используется для обозначения ⟨u⟩ после твердых согласных в грецизмах с исконными *υ* и *ου*, а также в славянских лексемах и флексиях только в соответствии с *ѡ* (*оу*) [Ягич 1883: 422], то нет никаких оснований называть одну и ту же букву *ѡ* то монографом, то ижицей. Правильнее было бы говорить, что в *Мар.* буква *ѡ*, или ижица (*v*), имеет значение, тождественное диграфу *ѡу* (*оу*) [ср. Diels 1932: 41]. Дополнительные обоснования для такого подхода см. в: [Кривко 2004].

⁵ Функции буквы *у* как знака для ⟨u⟩ в сочетании ⟨Cu⟩ ранее рассматривались редко, но все же примеры, воспроизведенные в данной статье [см. впервые: Кривко 1998а: 52], не выглядят подозрительно одиноко на фоне предшествующей традиции [ср.: Гольщенко 2000: 15]. На употребление буквы *у* для обозначения ⟨u⟩ в сочетании ⟨Cu⟩ в *Мар.* указывал еще В. Ягич [Ягич 1883: 422], а В. С. Гольщенко впервые подробно и обстоятельно описала иные случаи написания буквы *у* со значением [u] в других славянских рукописях XI—XIII вв. [Гольщенко 1982: 11]. Известно также,

Буквы ѡ, ѡа, ѣ, ѣ

Буква ѡ употребляется в БСП¹ независимо от ее исконного значения как буквы носового гласного переднего ряда. Основная позиция ѡ — после буквы согласного, буква ѡа в этой позиции почти не встречается; исконно палатальные согласные никак не обозначены, что представляет основную древнерусскую орфографическую тенденцию [Дурново 1924: 259; Lunt 1949: 82—93; Lunt 1955: 20—22]: *сътраѡсетъ* 4, *ѣна* gen. sg., 1 об., *овьна* adj. nom. plur., 13, *избавляѡа* 11, *ѣна* nom. sg., sin.slav. 6/n, 5, *посрамляютьсѡа* 10 об. и др. В словах с гласной ⟨а⟩ в начале слога пишутся буквы ѡа или ѡ, причем последняя чаще: *ѡко* 1 (2 раза), 2 об. (2 раза) и др., *ѡрости* 4 об., *ѡша* 19 об., *ѡа* 1 об., 5 об. и др., всего в синайских частях — около 170 раз, из них в начале слова — около 90; *ѡко* 1 (2 раза), 5 об. и др., *ѡзыкъ* 7, 8, 9 об. и др., *ѡвѣ* 28 об., ѡ проп. masc. acc. plur., 3 об., 4, *препоѡсалъ* 5 и др., всего в синайских частях в позиции начала слога — более 330 раз, из них в начале слова — около 80. Буква ѡа лишь дважды употреблена в БСП¹ после буквы согласного: *ѡрица* 24 об., второй раз — в результате описки: (окропиши *ѡа* оуѡфѡмъ и) *оуѡца/сѡа* 31, вместо *оуѡцѡсѡа*.

Буква ѣ встречается в основном после букв согласных и гораздо реже, всего десять раз, в позиции начала слога, причем, как правило, либо в грецизмах, либо в лексемах с начальным южнославянским ѣ, соответствующим восточнославянскому о: *ѣлени* 4 об., *ѣлень* 21 об.; *ѣмоньскыѡа* 21 об., *ѣфрѣмъ* 39; *ѣда* 4 об., 20 об., 29 об.; sin.slav. 6/n, 5 об. Рядом с нейотированным ѣ в слове *ѣда* стоит написание / (ѣда) *ѣмъ* (*мѡса*) 29 об.

В форме *ѣси* 39 об. ѣ наведено поверх угасшего текста; сопоставление с другими случаями передачи на письме личных форм глагола *ѣгити* показывает, что буква ѣ наведена, скорее всего, поверх *ѣ*: *ѣсмъ* 30 об., *ѣси* 4, 4 об., 5 (2 раза), 9 об., 23 и др., *ѣсть* 30 об., *ѣсмъ* sumus, 24 об. В двух случаях ѣ написано в начале слога после буквы и: *иерѣимьскыѡа* 31 об., *тѣрѣпѣниѣ* sin.slav. 6/n, 1 об., такие написания имеют старославянские параллели в кириллических рукописях. Употребление ѣ после и позволяет предполагать обозначение йотации с помощью и. Один раз буква ѣ написана в конце строки: *твоѣ<го>* gen. sg., sin.slav. 6/n, 8. Что касается буквы ѣ, то она употребляется в БСП¹ только в позиции начала слога: *твоѣѡа* 1 об., *твоѣѡго* 1 об., *просвѣѡценниѣ* 1 об. и др.

что «передача оу с помощью у в слав. лексемах ⟨...⟩ засвидетельствована, напр., в Златоусте Бычкова XI в., у основного писца Изборника 1073 г.» [Илчев, Велчева 1995: 49], а также в Изборнике 1076 г. [Страхов 2001: 16]. Написания / *ѡмѣръна* 24 об., *тѣрѣѡа* 25, *ѣкѣминъ* sin.slav. 6/n, 8 об., *скѣ/минъ* 36; *лѣта* 10, *пѣтрѣ* 36 об.; *зѣвн* 36, *вѣстанѣ* 36 об., *гѣслн* 36 об.; *пѣрѣ* acc. sg. 12 и другие подобные многочисленные примеры из славянских рукописей XI—XIII вв. изучены в отдельной статье [Кривко 2004] в сопоставлении с историей греческих заимствований с исконными ѡ, ѡа, ѡу, ѣ и с особенностями обозначения на письме слогов с ⟨u⟩ любого происхождения в анлауте и после согласных.

Рефлексы сочетания **tert*

В БСП¹ рефлекс сочетания **tert* ни разу не передан в полногласном варианте, он выступал, как правило, в неполногласных формах с ϵ : *потрѣвилъ* *нси* 23, *потрѣвиши* 33, *прѣисподънѣа* 41, *тревоуши* *sin.slav.* б/п, 7 и др. Буква τ в рефлексах сочетаний **tert* встретилась только четыре раза: *жрѣви* 6, *потрѣвить* 10 об., *оврѣдъши/ихъ* (так!) 25 об., *прѣзъриши* *sin.slav.* б/п, 2. Среди рукописей XI в. столь значительное преобладание написаний с ϵ при обозначении рефлексов **tert* до сих пор было отмечено только во втором почерке Архангельского евангелия, широкое распространение написания рефлексов **tert* с ϵ получает с XII в. [Дурново 1926—1927: 40; ср.: Живов 1999: 778—779 и след.]. Рефлексы сочетаний **telt* в БСП¹ не отмечены.

Обозначение рефлекса **ēd-*

В БСП¹ отмечен единственный пример написания буквы ϵ для обозначения фонемы $\langle e \rangle$ в начале слога после палатального глайда: *нстѣъ* (*surinum*) 38. Такое написание, распространенное в древнерусских рукописях, отражает нейтрализацию оппозиции $\langle e \rangle$ — $\langle \hat{e} \rangle$ после палатального глайда. В двух других случаях этот корень написан с буквой τ : *ѣдѣтъ* L., 6, *ѣша* L., 6, но *адъи* 40.

Обозначение рефлексов праславянских сочетаний

**tj, *kti, *dj, *pj, *bj, *vj, *mj*

Древнерусский рефлекс **tj* отмечен в единственном случае: *полѣю* 33 об. Всегда с буквой τ пишется корень **teudj-*: *чюждимъ* 28, *чюждимъ* 28, *чюжди* 33. Показательна допущенная описка: *дѣлаютьши* 32 об., которая позволяет усмотреть влияние на эту форму южнославянского по происхождению диграфа *шт*, чей облик был искажен первым писцом. Рефлекс праславянского **tj* передается с помощью буквы τ : *просвѣщение* 1 об., *посѣщаа* 2, *съмоущенъ* 4 об., *отъвѣщають* 37 об., *искоуции* 10, *враждоуции/и* 11 об., *искоуцие* 17 (2 раза), 19 об., *съмоуцаиши* 21, *въсхоуцетъ* 25 и др. Примеры со старославянским обозначением рефлекса **dj*, в отличие от сочетания **tj*, единичны: *вижди* *sin.slav.* б/п, 3 об., *виждь* 25, *въздаждь* 3, *чюждимъ* 28, *чюждимъ* 28. Один раз рефлекс праславянского сочетания **dj* был передан согласно древнерусским фонетическим особенностям, но это написание было исправлено: *чюжди* 33. Видимо, не случайна также описка *съждижютьсѧ* 31 об., вызванная и тем, что писец нетвердо владел южнославянским узусом. Рефлекс праславянского сочетания **dj* передается в БСП¹ в подавляющем большинстве случаев согласно древнерусской фонетике: (да \hat{n}) *постгыжюсѧ* 1; *предаждь* 2 об.; *даждь* 3 (2 раза), 38, 39; *подаждь* 4 об.; *оутвържение* 3 об.; *оутвържю* 7 об.; *ноуждахоусѧ* 17; *преже* 18 об., 34 об., 37; *въхожаше* 20 об.; *хожю*

21 об., 22; *ражаючи* 27; *въздажь* 29 об., 31; *оүгожю* 35 об.; *вижь* 37 об.; *жажю* 40; *оүтвѣрженіи* sin.slav. 6/n, 8 об. Древнерусское обозначение рефлекса *dj с помощью буквы ж и в то же время передача рефлекса *tj согласно южнославянскому узусу, то есть с помощью џ, является характерным признаком древнерусской редакции церковнославянского языка, который отчетливо проявился уже в Архангельском евангелии и новгородских служебных минеях 1095—1097 годов [Дурново 1969: 36; Успенский 1995: 33—34]. Так, во втором почерке Архангельского евангелия буква ж используется для обозначения рефлекса *dj в 90 % случаев, а буква ч, соответствующая старославянской џ (штѣ), встречается в 10 % написаний [Lunt 1949: 106].

Лексема *ночь* всегда пишется в БСП¹ согласно южнославянскому узусу (лл. 7, 21, 34). В БСП¹ единственный раз отмечено написание рефлекса праславянского *vj без *l-epentheticum*: *оумьрцьвѣнии* 24. В остальных лексемах рефлексы праславянских сочетаний губных с йотом переданы со вставочным плавным, согласно восточнославянскому и раннему общеевропейскому узусам: *ѣлгословенгы* 6 об., 21 об., *прилѣплахоу* 1, *противляющинхъ* sin.slav. 6/n, 8 и др.

Буквы для обозначения гласных в начале слога

Буква *а* употребляется в БСП¹ только в начале первого слога следующих слов: *азъ* 18 об., 26 и др., *лицѣ* 23 об., 29 об., 30, 31 об., 34 (2 раза) и др., *акты* 8, 11, 12 об., 23 (*акъ* вместо *акты*), 32, 34, 37, 37 об.), *адъ* 6, 34, 37), (*въ*) *адѣ* 28, 28 об., *аспида* 36 об. В соответствии с начальным восточнославянским ⟨о⟩ в полном согласии с южнославянской книжной традицией в БСП¹ всегда употребляется *ѣ* (ѣ): *ѣлени* 4, *ѣлень* 21, *ѣленьмъ* 102, *ѣдиною* 40 об., 78⁶.

В начальном слоге слова употребляется исключительно диграф *оу*: *оухо* 5; sin.slav. 6/n, 3, 8; *оутрѣва* 5 об., 24 об.; *оуность* 22; *оутро* 25 об.; *оуныча* 29 об.; и и *оудоль* 39 (так!); или: и *иоудоль* [т. е. *i judolb?*]). Последовательная передача начального *оу* в соответствии со старославянским *ю* отличает БСП¹ от многих церковнославянских памятников XI — начала XII вв. [Тот 1985: 315]. И. Х. Тот обратил внимание, что только в Архангельском евангелии 1092 года отмечалось семь примеров с начальным *оу* в корне слова, типа *оуности*, *оунъ* [Соколова 1930: 118; Тот 1985: 315]. В таких же рукописях XI в., как Пандекты Антиоха, Минея Дубровского, Туровские листки, Слуцкая псалтирь, Житие Кондрата, Житие Феклы, Реймское евангелие и русская часть Саввиной книги в позиции начала слова используется исключительно *ю* [Тот 1985: 315]. На этом фоне иначе как недоразумение не может расцениваться вывод, что «старославянские по происхождению варианты типа *юноша* вы-

⁶ Написание *олѣн* L., 7 является романским заимствованием в южнославянские и западнославянские языки (ср. лат. *oleum*, но греч. ἔλαιον → *ѣлени*) и поэтому не имеет отношения к противопоставлению ю.-сл. *ѣ* и вост.-сл. *о* в начале слова, как полагала И. Кузнецова [Кузнецова 1967: 84].

ступили на первый план, во всяком случае, после второго южнославянского влияния» [Лукина 1968: 114]. Такая ошибка допущена, видимо, в связи с тем, что в качестве источника для исследования была выбрана картотека Словаря древнерусского словаря XI—XIV веков, составители которой не учитывали такие источники, как «церковно-каноническая литература», в частности, «книги Нового и Ветхого Заветов» [СДРЯ I, 9].

Буквы а и ѡ после букв шипящих и ц

В БСП¹ после шипящих употребляются только буквы а и ѡ (кроме двух случаев, из которых один — описка: ѡрица 24 об., оуицѡса [вм. оуицюса] 31): после ш, щ, ч — только а (ѡша 1 об., 5 об., 8 об., и др., независимо от падежной формы), изнемогоша и падоша 1 об. и др., творащаго 5, приѡжица 5, вѡцадиѡ 11, ѡаеть 9, ѡада 9 об., овлаѡахъса 11 и др.; после ж два раза употребляется буква ѡ (маѡежа 5 об., дѡржавьно sin.slav. 6/n, 7), четыре раза — а (сѡтоѡжающимъ 2 об., сѡтоѡжаа 10 об., сѡтоѡжаеть 22, приближѡтьса 1 об.). После ц 26 раз употребляется ѡ (дѡсница пом. sg., 1 об., 22 об., 24 об., ѡрдца gen. sg., 6, 8 об. и др., вѡсклицаниимъ 8 об. и др., 17 раз — а (лица gen. sg., 2 об. (2 раза), 6 об. и др., ѡрдца пом. plur., 6 об., скорописѡца gen. sg., 24 и др.

Буквы оу, ю после букв шипящих и ц

В БСП¹ после букв шипящих (кроме ц) и ц, везде употребляется буква ю: ѡшю 1, 1 об., 20 об.; sin.slav. 6/n, 8 и др.), са оустрашю ∴ / 1 об., сѡгрѡшю ∴ / 17 об., шюма 21 и др.; постѡжюса 1, оутвержю 7 об., хожю 21 об., 22 и др.; ѡудѡса 19, притѡю 23 об., 27 об., ѡюждимъ 28, ѡюжии 33 и др.; лицю 21, 21 об. и др., мѡшьцю sin.slav. 6/n, 3, зѡнницю sin.slav. 6/n, 8. После буквы ц два раза отмечено ю (ницю 1, вѡзицю 2) и столько же раз оу: вѡзицоу 2, ницоуши 20 об., ср.: искоушии 10, искоуши 17, 19 об., искоуши 17.

Варианты ѡ — ѡ — ѡ; надстрочные знаки

Вариант ѡ встречается в БСП¹ четыре раза, причем дважды в начале стиха и с диакритическим знаком: / ѡше ѡпѡльгѡицьса 2, / и ѡтъ 9. Один раз вариант ѡ написан в результате описки, из-за пропуска надстрочного элемента " в лигатуре ѡ: ѡмѡктаеть (сѡвѡкты) 8 (вместо ѡмѡктаеть). Один раз вариант ѡ написан в середине строки: ѡтъ мене 11 об. Подобно ѡ, четыре раза в начале стиха написан вариант ѡ (широкое очное ѡ), в том числе в составе диграфа оу, один раз над ним поставлен диакритический знак *spiritus lenis*: ѡмножишася sin.slav. 6/n, 7, ѡупѡвающаго 7 об., ѡвѡицьса 8, ѡвидохъ 2. Широкое очное ѡ написано киноварью и имеет больший размер,

чем остальные буквы в строке. *Spiritus lenis* используется в БСП¹ только над буквами гласных первого слова стиха, который всегда начинается с новой строки. Этот знак употребляется в БСП¹ на следующих листах рукописи: лл. 4 — 4 об., 6 — 6 об., 7 (один пример: ѿмножишася sin.slav. б/н, 7), 8 об. (непоследовательно), 9 sin.slav. б/н и далее с л. 1 по л. 10 об. включительно sin.slav. б: ѡце ѡпльзуться 2, ѡдино҃го 2, ѡце 2 (2 раза), ѡ не оуклониса 2 об., ѡ не остави 2 об., ѡко 2 об., 4 об., ѡ оуподоблюса 3, ѡгда 3, 6, ѡ по зловѣ 3, ѡко 3, ѡтвратилъ 4 об., ѡда 4 об. и др. Особенность употребления вариантов ѡ, ѿ в сопоставлении с Ѡ и знака *spiritus lenis* в БСП¹ состоит в том, что эти знаки обозначали начало стиха, маркируя каждый очередной ритмико-смысловый период в тексте Псалтири. Такой способ употребления вариантов ѡ, ѿ, насколько нам известно, до сих пор не был отмечен в древнерусской орфографии [Worth 1996], хотя орнаментальным, или «зрительно-эстетическим» (термин Х. Микласа) приемам графического оформления средневекового славянского рукописного текста посвящена большая литература. Прием графического выделения начала стиха описан здесь впервые, причем сопоставление с оформлением конца строки позволяет выявить его главную особенность. Если при обозначении конца строки используются «узкие» варианты графем и, оу — і и ѡ, то в начале стиха употреблены «широкие» варианты ѡ и ѿ, а над остальными буквами гласных ставится надстрочный знак. Таким образом, если основной принцип обозначения конца строки состоит в «графической редукции», то при обозначении начала стиха используется «графическая эмфаза»⁷. Вместе с тем нужно заметить, что написание лигатуры ѡ в БСП¹ не подчиняется «эстетически-техническому принципу»: ѡими ѡ мен(...) 31, ѡ врагы роукы твои sin.slav. б/н, 8 об.

Обозначение конца строки и орфография гадательных приписок

Зрительно-эстетический принцип орфографии определял и употребление вариантов і и ѡ, использовавшихся в БСП¹, как правило, в конце строки или над строкой в случае пропуска отдельных букв или слогов: силѡ ∴ / 4 об., немѡ / 7 об., вѡ/доу 18 об., преѡ/крашена ∴ 24 об., немѡ / 25, вѡноутрьоудѡ ∴ — / и др. В слове шю 1 (вм. доушю), написанном не в конце строки, слог ^{ас}ш, пропущенный писцом, надписан им над строкой и немного сдвинут влево, как в

⁷ Выявленные единичные примеры обозначения начала строки в БСП¹ — не исключение в средневековой письменности. Так, в одной старорусской рукописи XVI в. мной отмечено написание / ѡѡе раздѡленіе Библи. (Рум.) 162 об. Буква ѡ написана в начале строки, причём размер ижицы ѡ больше, чем у остальных строчных букв, что в данном примере ясно показывает её декоративную, или зрительно-эстетическую функцию — выделения начала строки. Показательно, что здесь для оформления начала строки и стиха использована графема, свойственная прежде всего грецизмам.


слове г⁸ви(н?).../ 33 об. Похожим образом в слове славѣ 3 об. вариант ѣ написан в стихе, сначала пропущенном писцом, а затем вписанном над строкой более мелкими буквами. Один раз лигатура ѣ написана с надстроочным элементом ѵ над буквой ѡ, немного сдвинутом влево, что, скорее всего, связано с тем, что писец пропустил ижицу — второй элемент диграфа оу — в самой строке: вѣнидѣть 41. Интересно, что вариант ѣ использовался на месте оу при поновлении угасшего основного текста поздними правщиками: рлзѣнѣють sin.slav. б/п, 1 об., слог зѣ- написан заново на месте угасшего текста, злвѣди sin.slav. б/п, 2 об., слог вѣ- написан заново на месте угасшего текста, под новым текстом отчетливо просматривается оу. Аналогично употребляется и вариант і: вѣні/доу 1 (буквы «вѣні» написаны заново поверх угасшего текста в конце строки), мї : / 3 об., 18 об., достоані/ѣ 3 об., ливаньскыі :— / 4, подвї/жюса 4 об., гї : / 6 об. и др.; живї/ции 8, вместо живоуции, вариант і написан поздним правщиком поверх угасшего текста в конце строки.

В связи с приемами конца строки уместно рассмотреть графику и орфографию гадательных приписок, которые сделаны на верхних и нижних полях рукописи киноварью. Почти все приемы оформления конца строки используются в БСП¹ в гадательных приписках независимо от расположения слова по отношению к началу или концу записи. К числу приемов графико-орфографического оформления гадательных приписок относятся: использование і как «узкого» варианта и, употребление вариантов букв ѣ и ѣ с высокой мачтой, написание лигатуры ѣ из Т + ѣ. Все эти приемы использованы в конце строки при написании основного текста. К обычным приемам конца строки в БСП¹ в гадательных приписках добавлен еще один — преимущественное употребление ѣ за счет сокращения использования ѣ. Приведем текст некоторых записей⁸: вѣроуи вѣѣмь срдцѣмь <так!> и цѣлѣши sin.slav. б/п, 6 об.; дѣло емоу же хошеши троудѣ имать 18 об.; не пѣчисл боудеть дѣло твоє 24; иже їмаши на оумѣ помалоу испълнит<..> 57; бѣ ти есть помощникѣ не воисл : / 67; многы тлжа на тл вѣстают <так!> 70 об.; аще пождеші моласл боудеть ти надежа добр: 91 об., не воисл вѣзнесешисл по днѣхѣ : / 71 об. Ср. в основном тексте: вѣздоушнѣиіхѣ :— / 4 об., оправданѣи / L, 2 об., мѣ(ѣ?)ногахѣ : / 3 об., прѣвѣванѣТѣ / 8 об., отѣ / 17 об., спѣѣ с / 8 об., веліцѣи : / 19 об., вѣкѣи / 23, мѣ/ною 35 об., съплѣтаюТѣ : / 36 об. и др.

В использовании приемов оформления конца строки в гадательных приписках имеются исключения. Один из немногих случаев употребления буквы ѣ отмечен в записи, которая, кроме прочего, ценна тем, что в ней отмечается древнейшая фиксация слова съчастіи в истории русского языка: съчастію прошеіиі <..> 43 (если это не сочетание съ частію). Насколько можно судить по фотокопии, окончание записи утрачено, однако его можно попытаться восстановить с помощью другого отрывка, благо содержание гада-

⁸ Записи, сделанные на нижних и (реже) верхних полях листов, приводятся полностью, поэтому начало и конец строки в приведённых примерах не указывается.

тельных приписок либо полностью, либо с различными вариациями часто повторяется: ...*тию естъ прошение твоє* sin.slav. б/n, 7 об. Сказанного о слове *съучастіи* достаточно для того, чтобы признать крайне желательным знакомство с рукописью de visu и с применением необходимых технических средств, что позволит гораздо более уверенно прочитать неполностью сохранившийся текст многих гадательных приписок, да и весь текст Псалтири и библейских песней, включая угасшие отрывки, которые не привлекались к изучению в рамках данной статьи.

Другое исключение касается употребления графического варианта : *неиже* <так!> *печешисѧ моли ба и ми/мо идеть* 53 об. Этот вариант поместился в середине инициала, с которого начинается первый стих 72-го псалма; этим стихом завершается текст Псалтири на листе 53 об. Инициал занимает пространство листа почти до нижнего края. Таким образом, начало гадательной приписки совпадает графически, точнее, зрительно с зачалом псалма.

Приемы графико-орфографического оформления в БСП¹ гадательных приписок и конца строки уместно сопоставить с тем, как оформляется конец строки и стиха в БСП³, где отмечены два написания узких вариантов хотя и в конце строки, но с сохранением после них значительного незаполненного пространства; особенно это касается первого примера, где вариант 8 находится не только в конце строки, но в конце стиха: *отъпа/дѣтъ* ∴ / 13 и *кѣдоі* / 15 об. Аналогичная особенность просматривается и в написании буквы *ѣ* в БСП², которая часто используется в конце строки и стиха так, что после нее в строке остается незаполненным значительное пространство (см. об этом во второй части статьи).

Графико-орфографическое оформление гадательных приписок в сопоставлении с приемами оформления конца строки и стиха в БСП² и БСП³ заставляет по-особому взглянуть на эти приемы письма. Использование узких вариантов графем нельзя объяснять стремлением к экономии места в строке. Вспомним верное наблюдение В. С. Гольшенко, что «вряд ли только стремлением к экономии места можно объяснить, например, отмеченные в УЕ¹¹ <11-й почерк Учительного евангелия Константина Болгарского XII в. (ГИМ, Син. 262). — Р. К.> написания: *п/слѣди* 216а 20, *зап/вѣди* 215б 4, *сътѣв/ристѣ* 216а 10, тем более что писцы не стремились строго, как это делали они в отношении левой стороны столбца, соблюдать ровной правую его сторону» [Гольшенко 1982: 24, сноска 57]. В сопоставлении с приемом графической эмфазы в начале стиха и в сравнении с употреблением узких вариантов графем в пропущенных словах стихах или в наведенном тексте становится ясным, что смысл использования «графической редукции» состоит не в экономии драгоценного писчего материала. Оформление конца строки и различных по содержанию маргиналий связано с восприятием записанного текста не только как смыслового единства, но и как единства графического, зрительного. В этих приемах отражается особая, нефонетическая

(символическая?) сторона письма, исследование которой представляет отдельную проблему⁹.

Буквы њ, њ. Рефлексы сочетаний типа **ьrt*

Буквы њ, њ регулярно пропускаются в БСП¹ в следующих морфемах: а) в корне *ѡлѡ-* — 20 раз: *ѡлѡю* 1 об., *ѡлѡюущи* 1 об., *ѡлѡ* 9 об., 17, *ѡлѡл* 10, 10 об. и др.; буква њ для обозначения редуцированного в этом же корне отмечена семь раз: *ѡлѡ* 2, 9 об., *ѡлѡю* 1 и т. д.; б) местоименный корень *къ-* почти всегда пишется без буквы њ в словах *къто* и *къде*: *къто* 9 об., 18, 33 об. и др., отмечено лишь три написания корня *къ-* с буквой њ: *къто* 19, *къде* 21 об.; *къто* sin.slav. б/п, 6 об.; в) в корне *мъног-* буквы њ, њ не пишутся 18 раз: *мног* 6 об., 12 об. и др., в восьми случаях в корне *мъногъ-* пишется буква њ: *мъножъствѣ* 8 об. и др., один раз буква њ: *мъногахъ* 3 об.; г) в формах dat. sg. и instr. sing. местоимения *лѡъ* буква њ/ь пропущена 17 раз: *мнѣ* 5, 10 и др., *мною* 9, 17, 34 об., 35, 30 об., sin.slav. б/п, 9, в 23 случаях пишется буква њ: *мнѣ* 10 об., 17 об., *мнѣ* 17, 17 об. и др.; д) в корне *всѡ-* буква њ пропущена 11 раз: *всѡкого* 9 об., *всѡ* 10, 23, 25, 31, 35, *вси* 13, 41 об., *всѡкы* 41, *всѡка* 42, *всѡколѡ* 33, тогда как с буквой њ этот корень отмечен более чем в 20 случаях: *всѡ* 7, 8 об. (2 раза) и др.; е) в суффиксе *-ьн-* буква њ пропуще-

⁹ Неверно полагать, будто «славянская филология в целом (за исключением частных метких наблюдений) из этих эффектов (графического оформления конца строки — Р. К.) восприняла и удержала в памяти, кажется, только использование *ї* и *ѡ*» [Страхов 1998: 123]. Из истории славянского письма давно известно, что орфография и графика не связаны напрямую с фонетическим и фонологическим уровнями языка [Дурново 1933: 45—82; Винокур 1959: 456—467], что особенно характерно «для средневекового сознания с его интересом к символу» [Колесов 1982: 57]. Написания, не обусловленные смысловыми различиями, опираются на древнюю традицию использования «эстетически-технического принципа», отражённую в классических старославянских памятниках [Миклас 1993: 3—12; Miklas 1988: 52—65]. Даже сами древнерусские фонетические особенности могли передаваться на письме в согласии с требованиями оформления конца строки. Это происходило не только при обозначении на письме второго полногласия [Голышенко 1962: 20—28; Кандаурова 1968: 7—18], но и при всяком написании букв њ, њ и надстрочных знаков, которые могли их замещать [Schaecken 1994: 369—387]. Таким образом, исследование элементов древнего славянского письма, связанных с его зрительной стороной, в частности, с оформлением конца строки, имеет прочную научную традицию, в этой области собран богатый фактический материал и выработаны особые приёмы для работы не только с книжными памятниками, но и с текстами бытовой письменности [Schaecken 1995; Семенов 2003]. К сожалению, из упомянутых в данном примечании работ только исследование Й. Схакена [Schaecken 1994: 369—387] попало в список литературы к статье А. Б. Страхова [Страхов 2001: 69], специально посвящённой зрительно-эстетической стороне славянского средневекового письма.

на 17 раз: ближнии 3, прѣднии 4 об., прискървно 7 об., правьднаго 6 об., 10, sin.slav. б/п, 3 об., правьднѣа 9 об., правьднии 10, прискървна 22 (2 раза), неправьдна 22 об., правьдникуѣ 35, разоумно 26 об., правьднии 7 об., 32, правьдникы sin.slav. б/п, 3 об.; тот же суффикс написан с буквой ѣ 63 раза: неправьднии 2 об., потревьно 7, грѣшьномуѣ 7 об. и т. д.; ж) в корне кѣназъ- буква ѣ пропущена дважды: кназъ 8, кнази 26 об., других примеров употребления этого корня в БСП¹ нет. Лексема пѣтица, которая в современных БСП древнерусских рукописях часто пишется без буквы ѣ, в БСП¹ встречается лишь дважды, и оба раза она написана с ѣ: пѣтица 29 об.; sin.slav. б/п, 3.

Набор морфем, которые писцы XI—XII вв. писали без букв ѣ, ѣ, подробно описан А. И. Соболевским [Соболевский 1907: 46], Н. Н. Дурново [Дурново 1925—1926: 96—112] и Г. Лантом [Lunt 1949: 18, 70 etc.; ср.: Gribble 1989: 2—6]. С разной степенью частотности в различных рукописях XI—XII вв. буквы ѣ, ѣ пропускаются в морфемах кѣниг-, кѣназъ-, пѣтиц-, кѣто, въс-, мѣног-, зѣл-, дѣн-, дѣв-, пѣс-. По наблюдениям Н. Н. Дурново, в основном почерке Остромирова евангелия ѣ, ѣ почти не пропускаются в основах; в Туровских листках, Синайском патерике, первом почерке Архангельского евангелия, Реймском евангелии, втором почерке Успенского сборника ѣ, ѣ пропускаются только в основах, но не в аффиксах; близко к ним стоят Чудовская псалтирь, новгородская служебная минея 1095 года, МЕ, в которых буквы ѣ, ѣ сохраняются всегда в префиксах, а в суффиксах пропускаются редко. Именно эта последняя особенность характеризует и БСП¹ и БСП². В Изборнике 1073 года, втором почерке Архангельского евангелия, первом почерке Успенского сборника буквы ѣ, ѣ пропускаются, как правило, только в основах и редко в аффиксах [Дурново 1925—1926: 96—112; ср.: Колесов 1964; Успенский 1995: 238—239].

Уже А. А. Шахматов [Шахматов 1915: 203—228] считал, что пропуск букв ѣ, ѣ в древнерусских церковнославянских рукописях XI—начала XII вв. не является отражением восточнославянских языковых процессов, а представляет собой результат влияния орфографии старославянских памятников. Позже С. Гриббл предположил, что пропуск букв ѣ, ѣ в морфемах кѣниг-, кѣназъ-, пѣт(иц-), кѣто, мѣног-, мѣн- (супплетивные формы от азѣ), въс-, сѣ-, зѣл-, дѣн-, дѣв-, пѣс- является всего лишь сокращенной формой написания тех морфем, которые легко опознаются при чтении благодаря буквам фонем «полного образования». По словам С. Гриббл, «именно Г. Лант первый обратил внимание на важнейший момент (crucial point) в употреблении определенных сочетаний согласных букв (consonant clusters), которые более нигде не встречаются» [Lunt 1949: 18; Gribble 1989: 6, etc.], то есть используются только в одной морфеме. Пропуск ѣ, ѣ в таких «блоках» Г. Лант вслед за Р. О. Якобсоном объяснял скоростью речи, против чего С. Гриббл справедливо возражает.

Вместе с тем существует статистика, учитывающая количество морфем с систематически пропускаемыми буквами ѣ, ѣ, которая показывает, что в XII—XIII вв. число таких морфем увеличивается по сравнению с древне-

русскими рукописями середины XI в. [Колесов 1964: passim], в связи с чем В. М. Марков считал отражение судьбы ъ, ь в древнейших рукописях одним из наиболее важных факторов, датирующих письменный памятник [Марков 1964: 80].

Таблица показывает, как отразился процесс падения ъ, ь в БСП¹ и БСП²:

| Морфема | БСП ¹ | | БСП ² | |
|-----------|------------------------|--------------------------|------------------------|--------------------------|
| | Число написаний с ъ, ь | Число написаний без ъ, ь | Число написаний с ъ, ь | Число написаний без ъ, ь |
| зѣл- | 7 | 20 | 17 | 5 |
| кѣтѣ | 3 | В большинстве случаев | 4 | В большинстве случаев |
| мѣног- | 8 | 18 | 15 | 21 |
| мѣн-/мьн- | 23 | 17 | 28 | 39 |
| вѣс- | 20 | 11 | В большинстве случаев | 4 |
| -ьн- | 63 | 17 | 148 | 14 |
| кѣнѣз- | 0 | 2 | 4 | 11 |
| -ьц- | 1 | 1 | все | 0 |

Подсчеты позволяют судить, что в БСП¹ утрата ъ, ь надежно отражается в пяти морфемах (зѣл-, кѣтѣ-, мѣног-, мѣн-/мьн-, кѣнѣз-), в БСП² — в четырех (кѣтѣ-, мѣног-, мѣн-/мьн-, кѣнѣз-). Близкое количество морфем с последовательно пропускаемыми ъ, ь отмечено В. В. Колесовым в Чудовской псалтири (семь морфем), сборнике 13-ти слов Григория Богослова (XI век, девять морфем), Типографском уставе (№ 142) XI—XII в. (девять морфем) и Синайском патерике (девять морфем). Для сравнения, в Изборнике 1073 года, в первом почерке Архангельского евангелия 1092 года и в новгородских служебных минеях 1096 и 1097 годов, а также в Пандектах Антиоха и в Реймском евангелии ъ, ь опускаются регулярно в одиннадцати морфемах. Меньшее количество морфем с регулярно пропускаемым ъ или ь в отмечено только в Остромировом евангелии и в Путятиной минее, причем в Путятиной минее ъ пропускается только в корне зѣл-. В новгородской служебной минее 1095 года отмечено 15 морфем с регулярно пропускаемыми буквами ъ/ь, во втором почерке Архангельского евангелия — 16, а в МЕ, Ефремовской кормчей и Успенском сборнике XII—XIII вв. отмечаются 20 морфем с регулярно пропускаемыми ъ, ь в слабой позиции [Колесов 1964: 30—44, 37].

Таким образом, рукописи XI в. не позволяют усмотреть какую-либо устойчивую динамику в утрате слабых ъ/ь, скорее, они отражают колебания индивидуального письменного узуса и степень ориентации на старославянские образцы (достаточно сравнить различные данные первого и второго почерков Архангельского евангелия). В то же время динамическая разница

между рукописями XI и XII—XIII вв. существует, и она позволяет датировать БСП XI веком, вопреки мнению Г. Ланта и И. Тарнанидаса.

Существует хорошо известное противоречие, касающееся отражения падения **ъ, ь** в русско-церковнославянских, т. е. книжных, и бытовых письменных памятниках. В берестяной письменности раннедревнерусского периода слабые **ъ, ь** сохраняются во всех грамотах, причем даже в тех, которые, скорее всего, написаны не новгородцами [Зализняк 1995: 47—49]. Это значит, что показания берестяной письменности поддерживают точку зрения А. А. Шахматова о независимом от языковых изменений характере пропуска букв **ъ, ь** в слабой позиции. Если обратиться к материалу БСП, то можно легко увидеть, что ситуация с пропуском букв **ъ, ь** в слабой позиции в БСП¹ и БСП² сходна, разницу составляет корень **зъл-**, в котором в БСП¹ **ъ** пропускается регулярно, в отличие от БСП². В остальных корнях буквы **ъ, ь** последовательно пропускаются только в абсолютно слабой позиции, что, с одной стороны, указывает на архаический старославянский узус, усвоенный обоими писцами, с другой стороны, на такое состояние древнерусской фонологической системы, в котором еще сохранялись фонемы ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩. Это еще раз подтверждает раннюю датировку графико-орфографических систем памятника¹⁰.

Смещение букв **о** и **ъ, ь** и **ѣ** и **ь** в слабой позиции

Регулярно пишется с буквой **о** южнославянская лексема **оупъвати**, что характерно для древнерусских церковнославянских рукописей: **оуповаю** 2, **оупова** 32, **оуповаютьъ** sin.slav. б/п, 1, **оупованиа** 39. Иной характер носят написания, параллели которым хорошо известны и описаны в других памятниках; материал БСП¹ расширяет круг ранее известных в книжных памятниках примеров XI в.: **бѣ иѣлво** 37 об., **кото** 41 об.; **въспаць** 30 (**ъ** исправлен из **о**), **отъ рѣва** 18 об. (буквы **ъ** и **а** исправлены из **о**; **о** во флексии, исправленное на **а**, появилось в результате графической ассимиляции предшествовавшему **о**, которое, в свою очередь, было исправлено на **ъ** в результате гиперкоррекции).

Рефлексы сочетаний ***tbrt**, ***tbrt**, ***tblt**

В подавляющем большинстве случаев рефлексы праславянских сочетаний ***tbrt** / ***tbrt** и ***tblt** / ***tblt** переданы согласно древнерусскому узусу:

¹⁰ Тема букв **ъ, ь** в церковнославянских рукописях XI—XII вв. требует дальнейшей разработки и, возможно, пересмотра имеющихся сведений на основе сплошного расписывания широкого круга памятников XI—XII вв. с целью получения исчерпывающих числовых данных. Эти данные должны учитывать не только употребление букв **ъ, ь** в отдельных лексемах, но и позицию написаний по отношению к концу строки.

потърпѣхъ 1, жьртвоу 2, пѣакъ 2, потърпи 2 об., пьреть 4 об., мьртвь 6, скървини 9, съмьрть 10, отъвьрзана 17, тьрпѣнии 18, пьрвья 22 и др. В БСП¹ отмечены всего четыре примера второго полногласия: ѿпѣльчуться 2, / ѿпѣльчуть 9 об., испѣльниша 1 об., прѣмѣльчужиши 3. Имеются несколько написаний согласно южнославянскому узусу, причем только в двух корнях: скръви 10, скръвѣхъ 33 об., скръвини 9 об., скръвьхъ 25 об., скръвь sin.slav. 6/п, 4; испльнь 8, 27, испльнимъся 42, испльниши sin.slav. 6/п, 7 об., испльниша sin.slav. 6/п, 8 об.

Описки

В БСП¹ отмечено большое количество описок, которые разделяются на несколько типов. Описание и классификация ошибок письма позволяют прежде всего судить о лингвистической достоверности источника. Поэтому В. В. Колесов с сожалением отмечал, что «указатели ошибок, типичных для древнерусских рукописей, еще не составлены, хотя необходимость в них весьма высока, поскольку всякое научное описание рукописи должно быть предварено полным перечнем отмеченных в ней описок и ошибок написания» [Колесов 1982: 30]. В БСП¹ выявлены следующие описки, количество которых позволяет ожидать отражения в памятнике не книжных, собственно древнерусских языковых явлений и инноваций, о которых пойдет речь ниже.

Пропущенные буквы: sin.slav. 6/п: раздоушилъ ѳси ∴ / 1, / Въ рдсти (вместо въ гьрдсти, 2), / разгѣва 2, вькоу 6 (вместо вькоупѣ), поуи 8 (вместо поути), / И съ трьпѣтивъмь 9 об. (вместо и съ стрьпѣтивъмь); sin.slav. 6: съ сворнь 1, / И бави ма 6 (вместо и избави ма), молтвоу 18 об., подвижаста 17 (вместо подвижаста), съханю 17 об., не прѣмчи ∴ / 18 об. (вместо не прѣмчужи), ирданьскыа 21 об., оемоньскыа 21 об., вместо оермоньскыа, греч. *Ермоуици* (славянский текст отражает контаминацию с формой *Аермоуи*), вьздаю (вм. вьздалъю) 29 об., / <..>ъ пренеманиа 33 об. (вместо пренемаганиа), вѣконие 34 (вместо вѣзаконие), вѣзание 37 об. (вместо вѣзаконие), мѣо-т-воа 36 об. (вместо мѣоть твоа, если это не написание слова мѣо как нѣ), вьзвелитьса 41, / вьзвелитьса 37 об., / Вьзвелитьса 42, вь / знетьса (вм. вьзнетьса) 41 об., онѣмѣ 18 (вместо онѣмѣхъ), / И на Гд 1, вь достоа себе ∴ (вместо достоание, 8 об.), / Ако отъ (пропущено того) тьрпѣнии моу 40; пропущенное титло: срдциъ 10;

графическая ассимиляция: а) под воздействием предыдущего слога: вьплъ sin.slav. 6/п, 4; б) под воздействием последующего слога: хвалоу 31 об. (вместо хвалоу), печели 21 об., вьздалю / уютъ 37 об., ви / тить 37 (вместо видить), мьшаца 22 об., вьсклѣкнѣте 26 (других примеров смещения ѣ и и нет); в) под воздействием сходного начертания другой буквы: зашититель (нашь) / 9, оумножица 17 об., (развогатѣть) ѿлвкы ∴ 28 об.;

повторное написание одной и той же буквы, слога или слогов: / И не оуклони и са 2 об., / Законъ помози 2 об. (буква м написана по сходству с л,

вместо положи), / **В** вкоушите 9 об., **бѣ** нашъ вѣ вѣ вѣкы : / 27 об., / **Исповѣсть** тѣ ти сѧ 28 об.;

описки, вызванные графическим и паронимическим сходством словоформ и словосочетаний: а) употребление неуместных с точки зрения семантики паронимов: **мѣсто** **вселенныа** (вместо **вселениа**) **славгы** **твониа** 1 об., **раждениѣ** (вместо **гаждениѣ**) **б**, (**възддстѣсѧ**) **отѣ** **вѣ** (вместо **молитва вѣ**) **ирѣкѣ** [**иероусалимѣ**] 42, **овлицаша** (вместо **овнищаша**) 9 об.; б) неверное употребление грамматической формы: **вѣ** **окилиѣ** **моиѣ** 4 об., (**окропиши** **мѧ** **оусофѣмь** и) **оуищасѧ** 31;

другие описки: **оврадѣтѣсѧ** 31 (вместо **овратѣтѣсѧ**).

Написания о, ѓ вместо оу, ѿ; ѣ, ѡ вместо ѣ, ѡ; ѓ (о) вместо ѿѣ (ж), ѡ(ѣ) вместо ѡѣ (л)

Особо стоит обратить внимание на описки, связанные с пропуском второго элемента диграфа **ѣ**: **испѣтаѣта** 3 об., середина строки, / **да** **постѣдѣтѣсѧ** 10 об., / **Стрѣлѣ** 41 об. (вместо **стрѣлы**), **слъзѣ** **моѧ** 21 (вместо **слъзы**), **акѣ** 23. Интересно, что в БСП² выявлены только две описки такого типа: **тождѣ** (вместо **тоуждѣ**) **sin.slav.** б/п, 11 об., (**животънаѧ** **твоѧ**) **животѣ** (**на** **нѣ**) 45 об., хотя случаев пропуска букв в написанной им части БСП отмечено довольно много. В то же время в БСП³, то есть на трех листах рукописи, выявлены два надежных случая пропуска букв, из них один — написание **о** вместо **оу**: **вѣ** **роуко** 15 об.; **правѣнѣимѣ** (вместо **правѣдѣнѣимѣ**, 16); ср. также: (**нѣ** **видѣхѣ** <...> **селени** **нѣго** **просѣще** (**хлѣба**) 14 об. (вместо **просѣща**, если это не свидетельство развития деепричастий).

Написания **о, ѓ** вместо **оу, ѿ**; **ѣ, ѡ** вместо **ѣ, ѡ**; **ѓ (о)** вместо **ѿѣ (ж)** неоднократно привлекали к себе внимание исследователей, однако до сих пор не получили надежного объяснения. В исследованиях В. Ягича, А. М. Селищева, П. А. Лаврова, В. Н. Щепкина, обобщенных в работе В. С. Гольщенко [Гольщенко 1982], убедительно показано, что материал старославянских и древнерусских памятников не позволяет усмотреть какие-либо фонетические причины в написаниях первого элемента диграфа вместо всей буквы. Как писал А. Вайан, «нельзя принимать во внимание спорадические написания **ѣ** вместо **л**, **о** вместо **ж** и др., представляющие собой просто ошибки писцов» [Вайан 2002: 56]. В ряде работ появление написаний типа **ѣ** вместо **ѣ** или **о** вместо **оу** рассматривалось параллельно с фонемными функциями буквы **у**, развитие у которой значения <u> в сочетании <Cu> объяснялось описками [Diels 1932: 41—42; Гольщенко 1982: 18].

При более внимательном рассмотрении подобных написаний обращает на себя внимание ряд обстоятельств, которые мешают видеть в них обычный пропуск букв и сопоставлять их с написаниями **у** в качестве эквивалента **оу**. Это, во-первых, отсутствие написаний типа **и** вместо **ѣ** в кириллических памятниках, не знающих мены **и** и **ѣ**, или **ѣ (л)** вместо **ѿѣ (ж)** в глаголи-

которого настолько насыщена характерными древнерусскими, в том числе диалектными, особенностями, что говорить о каком-либо глаголическом влиянии на нее не приходится. Кроме того, написания *о* вместо *оу* нельзя исследовать в отрыве от других аналогичных написаний (типа *ъ* вместо *ы* и др.).

Далее мы рассматриваем написания *о*, *Ѡ* вместо *оу*, *Ѡ*; *ъ*, *Ѫ* вместо *ы*, *ѪѪ*; *Ѡ* (*о*) вместо *Ѡѐ* (*ж*), исходя из особенностей структуры диграфа в системе древнейших славянских азбук, независимо от функционирования буквы *у* [Кривко 2004], с привлечением материала абecedариев, азбучных молитв и акростихов. Полное обследование какого-либо свода памятников в рамках данной статьи невыполнимо, поэтому ниже для сравнения приведен классифицированный по типам описок материал первых 25 листов Асс. (не учитывались случаи пропуска букв в абсолютном конце строки):

пропуск букв, титла и слогов: *нѣѣ* 15 (8а-10¹³; пример издателем не прокомментирован), *При/ше* 24 (12d-5), *ре* 25 (13а-11; вместо *реуе*), *оуѣ* с 23 (12а-18; вм. *оуѣсѣ* с), *вѣдѣте/льствоуѣ* / 31 (16а-13-14; вм. *сѣвѣдѣтельствоуѣ*), *Ѡвѣшта* 34 (17с-25), *имѣ* 36 (18d-15; вместо *имамѣ*), *поклониш* 38 (19d-2); *рѣ* 44 (22с-19; вместо *рѣш*), *по/слоушатѣ* 45 (23b-17; вместо *послоушаетѣ*), *мощѣ* 47 (24b-28; вместо *можетѣ*), *въпрош* 49 (25а-21; вм. *въпросиш*), *вѣѣ* 49 (25b-7; вм. *вѣвѣ*)¹⁴;

повторное написание букв, слогов или слов: (*не вѣди*) *неневѣ/ренѣ* 14 (7с11-12), *ниѣсоежесо* / 16 (8d-22), *въ оуѣтр/трѣи* 21 (11а17-18), *никтоже/же* 30 (15d24-25), *и сѣди/ти и сѣдѣти* 35 (18а17-18), *пѣ/лѣ* 37 (19b21-22), *Издѣ/дѣ* 39 (20а29-b1), *имѣ/мамѣ* 39 (20b9-10), *посѣ/посѣславѣшааго* 39 (20b18-19), *разоузоу/мѣте* 40 (20d27-28), (*Ѡгоже Ѡц / сѣти*) *и и* (*посѣла / въ мирѣ*) 47 (24а-17), *тѣотвори/тѣ* 50 (25d8-9); ср.: *реѣ* 47 (24а-13);

написание одной буквы вместо другой: *вѣ ѡ* 22 (11с-22; вместо *ѣѡ* или *ѣѡѣ*, глаголич. *ѠѠѠѠ*); *дежаѡѡ(а)* 28 (14с-11; вместо *лежаѡѡ*; ср. глаголические *ѡѡ* (*а*) и *ѡѡ* (*д*)); *вѣ/шатѣ* 44 (22d-23-24; вместо *вѣжатѣ*); *нѣ сѣтѣ* 45 (23b-19);

о (*Ѡ*) вместо *оу* (*Ѡ*): *дрогѣ же* // 12 (6с-30), *въкоси* 15 (8а-14; середина строки), *копѣ* / 22 (11d-6), *ѣмо вѣ.* / 29 (15а-2), *къ ѣмо* 45 (23а-23; середина строки); *о* (*Ѡ*) вместо *ж* (*Ѡѐ*): *вѣѡѣ* 6 (3с-19; середина строки, перед предлогом *о*, надписанным над строкой), *гѣѡѣ ѣко* / 31 (16b-8); *ѣ* (*Ѡѐ*) вместо *ѡ* (*Ѡѐ*): *гѣѣ*

¹³ Здесь и далее первое число указывает номер страницы издания; числа и буква в скобках, соответственно, номер листа, столбец, номер строки.

¹⁴ Ряд примеров трудно однозначно классифицировать как описки. Пример *градѣтѣ / ѣмоу* 43 (22а-2-3) также не показательный, так как предлог *къ* мог быть пропущен в конце строки, такие пропуски часты в Асс. Не рассматриваем как очевидную описку пример (*да въ/схѣтитѣ и*) *сѣ / творѣтѣ* (*ѣѣѣ*) 20 (10с-17), который снабжен подстрочным примечанием «sic» — нельзя исключать возможность того, что здесь буква *ѣ* использована вместо обычного *и*, обозначающего в Асс. форму *ггп.* асс. *sg.*

иъ-д-роукы/ вседръжителкъ : — — // 96 об.-17 (последний стих канона, абсолютный конец листа, больше половины строки осталась незаполненной).

Количественное соотношение примеров типа *дрогъ* Асс. 12 (6с-30), *въккѣ* Асс. 15 (8а-14) и проч. с другими пропусками букв (одиннадцать случаев против тринадцати) заставляет видеть в них особую группу описок, выделяющуюся из ряда тех обычных случаев, которые книжники обозначали емким словом *недописахъ*. Как показывает материал БСП, написания только первого элемента диграфа определяются индивидуальными навыками письма, что объясняет неустойчивые количественные их соотношения с описками других типов.

Для понимания природы написаний с первым элементом диграфа вместо всей графемы необходимо учитывать особое положение диграфов как периферийных по своей структуре элементов глаголического и кириллического алфавитов. Нужно иметь в виду, что алфавит в средневековом сознании «представляет собой некоторый закрепленный культурной традицией список, функционирующий как канонический текст (качественно подобный, например, молитве, заговору, этикетной формуле и т. п.). Текстам такого рода обучают; они обладают большой устойчивостью... Особую проблему оставляют диграфы (типа *оу*, *чы*) и буквы, складывающиеся из частей, из которых одна или обе совпадают с самостоятельными буквами (типа *ю*, *я*, *чы*). Обычно такие единицы в момент формирования алфавита не получают статуса самостоятельных его членов, иначе говоря, трактуются как буквосочетания, а не как единые буквы» [Зализняк 1999: 544; см. также: Marti 1984: 126—127, 141]. Поэтому неслучайно в древнейшей Азбучной молитве, написанной Константином Болгарским (кон. IX — нач. X в., древнейший список — конца XII — начала XIII в.: РНБ, Q I 1202), диграф *оу* (глаголическое **Ѡ**) отсутствует, на алфавитной позиции после *т* читается ижица (*у*, исконно **Ѣ**): акроним буквы *у* в соответствующем стихе молитвы Константина Болгарского начинается со слова *у́постась* [Veder 2000: 82; Mareš 1971: 162; Науртова 2000: 52]. В большинстве списков читается *оу́постась*, однако на этом месте «должен был быть поставлен монограф **Ѣ** = *у/у* как часть буквенного ряда в акростихе» [Veder 2000: 82], преобладание же написаний с *оу*, по мнению В. Федера, «вероятнее всего должно указывать на мощное влияние кириллической традиции (в точности как последовательное обозначение на письме йотации)» [Veder 2000: 82]. В трех циклах азбучных стихир на Рождество Христово и Богоявление, написанных Константином Болгарским, после акронима буквы *т* читается то же слово — *у́постась* (*у́постас'ми*, *оу́постасню*, *оу́постасиѡ*) [Попов 2003: 34—35], в Ильиной книге (РГАДА, ф. 381, № 131; XII в.): **ОУ**́постаси 79 об.-7¹⁶, тогда как особого акронима для диграфа *оу* в стихирах нет. Это указывает на отсутствие **Ѡ** (*оу*) в том варианте глаголического алфавита, который знал один из ближайших учеников Мефодия [ср. иначе: Marti 1984: 127].

¹⁶ Сообщение В. Б. Крысько.

диграфа **ѣ**, маловероятного для глаголического алфавита как устойчивого текста.

Во-первых, написание **ы** вместо **ѣ** действительно известно уже в XI веке как в южнославянских рукописях (например, в Саввиной книге), так и в древнерусских (например, в обоих почерках Изборника 1073 г.) [Дурново 1927: 709, 716], однако все эти рукописи кириллические: арсенал буквенных средств глаголических памятников не содержит варианта ****ѣѣ**, аналогичного кириллическому **ы**. Глаголические диграфы, обозначающие **ы**, всегда имеют в первой части **ѣ** (**ѣ**), позиционное варьирование отражается только на второй составляющей диграфа: **ѣѣ**, **ѣѣ** или **ѣѣ** [Tkadlčík 1956; Vrana 1964; Nedeljković 1971: 85—88; Marti 2000: 67—69].

Во-вторых, перестановка знаков диграфа известна лишь в кириллических рукописях; в новгородской берестяной письменности такого рода написания выступают в ряду зеркальных вариантов целого ряда букв [Worth 1985; Янин, Зализняк 2000: 188, 189, 201, 212]. В Мюнхенском алфавитариуме зеркальные написания встречаются только в кириллической части, тогда как в глаголической азбуке их нет. В древнейшей хорватской глаголической эпиграфике XI—XII веков [Fučić 1971: 229—254¹⁷] аналогичные написания также не отмечены, неизвестны они и в глаголических рукописях.

Наконец, в-третьих, двоеточие действительно не просматривается между буквами **ѣѣ** в публикации Н. Н. Дурново [Дурново 1930: 615], с которой работал А. А. Зализняк [Зализняк 1999: 543—576]: фотография в ней воспроизведена на обычной бумаге в натуральную величину, на рассматриваемом промежутке между буквами **ѣѣ** действительно видна только темная полоса. Однако Н. Н. Дурново был не единственным, кто опубликовал фотографию Мюнхенского алфавитариума: в 1971 году лучшая по качеству публикация была осуществлена Ф. Марешем в виде приложения к основному тексту статьи [Mareš 1971: 133—199]. Между интересующими нас буквами сквозь темную полосу на пергамене отчетливо просматривается то самое двоеточие, которое разделяет в Мюнхенском алфавитариуме соседние графемы: **ѣ** : **ѣ** [Mareš 1971: obr. 1]. Следовательно, в глаголической части Мюнхенского алфавитариума диграфа, тождественного кириллическому **ы**, нет, что соответствует структуре и составу других глаголических алфавитариумов¹⁸.

¹⁷ Монография [Fučić 1982], на основании которой можно было бы представить более полные и убедительные данные по глаголической эпиграфике, при подготовке статьи оказалась мне недоступна.

¹⁸ При таком прочтении в Мюнхенском алфавитариуме оказываются все три глаголических знака для фонемы <i>: **ѣ** (по своему начертанию схож со знаком **ѣ** в последовательности **ѣ** : **ѣ** [Mareš 1971: obr. 1]), **ѣ**, **ѣ** [Veder, Marti 2000: 234]. Три знака для <i> представлены и в Парижском алфавитариуме, причём **ѣ** стоит не рядом с **ѣ**, **ѣ**, а так же, как и в Мюнхенском алфавитариуме, в конце алфавита, перед **ѣѣ** [Mareš 1971: obr. 2; Veder, Marti 2000: 234].

Ни один из глаголических аббедариев не содержит всех четырех юсов [Marti 1999: 200; Veder, Marti 2000: 234]. Эти данные поддерживают гипотезу Н. С. Трубецкого о том, что в первоначальной глаголической азбуке существовал один знак носового Ѣ [Trubetzkoy 1954: 229].

На сегодняшний день описано и опубликовано десять кириллических аббедариев XI—XIV вв. [Зализняк 1999: 551—570], описаны азбуки из новонайденных новгородских цер [Зализняк 2003]. Из всех известных азбук XI—XIV вв. диграф оу отсутствует в семи: в Азбуке храма св. Софии в Киеве (XI в.), в азбуках новгородских берестяных грамот №№ 199, 201, 205 (сер. XIII в.¹⁹), грамоты № 24 из Старой Русы (2-я пол. XIV в.), церы XIV в. и иконы св. Николы из церкви на Озервах (Государственный русский музей, I пол. XIV в.). Во всех перечисленных азбуках в алфавитной позиции после т находится ү. Диграф ѣ представлен в кириллических аббедариях столь же неполно. «Разумеется, речь здесь не идет о том, что данное начертание не употреблялось или не признавалось составителями азбук законным, а всего лишь о том, что оно рассматривалось не как единая буква, а как буквосочетание» [Зализняк 1999: 560].

Периферийное положение диграфов в аббедариях и в Азбучных молитвах хорошо согласуется с тем, что в сознании писцов диграфы воспринимались не как одна буква или единый знак, а как сочетание из двух знаков. Это положение верно не только для эпохи формирования алфавита, о чем сказано в работе А. А. Зализняка [Зализняк 1999: 544], но и для более поздних периодов. Сама двучленная структура диграфа вступала в противоречие с устойчивым соотношением «один звук — одна буква» [Mareš 1971: 133], характерным для славянских азбук.

Восприятие диграфа как двух самостоятельных единиц хорошо показывают следующие примеры. В одном из двух древнейших славянских переводов канона на Рождество, выполненном Константином Болгарским, содержится открытый Г. Поповым изошренный акростих, в котором есть слова: *ѣгоже род истаа оплот[а наша]* (или, в реконструкции Е. М. Верещагина, *ѣгоже род[и наи п]о плоти стѣа*) [Верещагин 2001: 430—450; там же см. другие варианты прочтения акростиха и историю вопроса]. Букве о в слове *род* (или *роди*) в четвертом стихе 26-го тропаря соответствует диграф оу в акростихе *оувициѧ* (в Минее праздничной (ноябрь — январь), РГАДА, ф. 381, № 98, к. XII — нач. XIII в.; 129 об.) [Верещагин 2001: 442].

В акростихе цикла триодных песнопений, сочиненного Константином Болгарским (начало акростиха: *гранеса добра константинова*), имеется слово *сверѣте*. «Буквы для *сверѣте* образуют следующие слова: **Сѣ Брани Лже Родоу Ико Тврди Лже**. Использование **И** в качестве **ѣ** может быть объяснено только в том случае, если у акростиха предполагается глаголический протограф.

¹⁹ Эти три грамоты — ученические, две из них бесспорно принадлежат мальчику Онфиму, грамота № 201 написана «либо тем же самым почерком, либо весьма похожим» [Зализняк 1999: 551].

⟨..⟩ В то же время, буква **Є**, взятая из **ѦЖЄ** (дважды) указывает на глаголический оригинал, в котором буква **Ѧ** (или, чтобы быть точным, **ѦѦ**) была представлена в виде диграфа, который воспринимался как две отдельные буквы» [Marti 1984: 126].

Еще один, более поздний, аналогичный пример известен в надписях на древнерусских иконах. Написание в нимбе Христа **ΩΝ** (ὁ ὢν) ‘сущий’ отмечено на них «с кон. XIV — нач. XV вв. Буквы **О-Ѧ-Н** встречаются также на иконах Троицы в нимбах одного или всех трех ангелов. Значение греческих аббревиатур, видимо, стиралось со временем, с XVII в. в письменности встречаются их искусственные толкования: **О-Ѧ-Н** — “⟨...⟩ **Ѧ-Т** еже есть ѡтчески, **О** — оум, **Н** — непостижим сии...”» [Замятина 2002: 5—6].

Наконец, уже в древнейших славянских рукописях первые буквы строки, стиха или зачала песнопения часто выделялись не только большим размером, но и особым цветом с помощью киновари. В БСП¹ буква **о** в составе диграфа **оу**, находящегося в начале строки, предстает в своем широком варианте, с внутрисклочной точкой: **Ѡу** *линожишасѧ* sin.slav. б/н, 7, **Ѡу** *пъвающаго* 7 об., **Ѡу** *вонитсѧ* 8. В трех более поздних просмотренных памятниках XV—XVI вв. киноварью и размером в начальном диграфе **оу** выделяется также только первая буква: **Ѡу** *лютѣ*, **Ѡу** *лютѣ* / Кн.прор., 101; **Ѡу** *готови* там же, 104 об.; **Ѡу** (*горы*) Кн.прор.¹, 84; **Ѡу** *готовитѣ* там же, 82 об.; **Ѡу** *двоѣ* Псалт. толк., 215 об. Разумеется, такая практика оформления двух элементов диграфа как разных букв не является обязательной и абсолютно последовательной (ср. упомянутый выше пример в Ильиной книге [РГАДА, ф. 381, № 131; XII в.]: **Ѡу** *постаси* 79 об.-7).

Если диграф не воспринимался писцом как единый знак, то во время прочтения писцом переписываемого текста (скорее всего, вслух, менее вероятно «про себя») возникало противоречие между одной фонемой как означаемым и двумя графемами как означающим. В ряде случаев это приводило к тому, что первый написанный элемент диграфа ошибочно отождествлялся в сознании книжника с целым диграфом. Диктант (внутренний или же простое чтение вслух при переписывании текста) объясняет отсутствие написаний с буквой **ѣ** (**ѣ**) вместо диграфа **ѣѣ** (**ѣѣ**) в Мар. и Зогр., где диграф **ѣѣ** используется только в начале слога, то есть не после букв согласных *r, l, n* в Мар. употребляется **ѣѣ** (**ѣѣ**), так же, как и после всех прочих согласных.) Буква **ѣ** (**ѣ**), первый элемент диграфа **ѣѣ** (**ѣѣ**), передает йотацию, а буква **ѣѣ** (**ѣѣ**) — назальность. Йотовая и назальная артикуляции не могли накладываться друг на друга и произносились раздельно, в соответствии с фонологическими функциями йота и фонемы *E* в пределах слога: *j + E* (или *E^N*). При этом йот рассматривается как фонологически значимый элемент, показатель тембра на суперсегментном уровне, или «линейный признак дизности» [Колесов 1973: 175]. Носовые же интерпретируются как единые фонемы, а не как сочетания гласного с сонорным. (Исчерпывающие аргументы в пользу такого подхода изложены в работах В. В. Колесова [Колесов 1973:

170—175] и Р. Марти [Marti 1984: 138—139], там же подробная критика противоположной точки зрения.) Следовательно, диграф **ѠѢ** (**ѠѢ**) в позиции начала слога обозначает две смыслоразличительных единицы, и поэтому условий для ошибки внутреннего диктанта здесь нет, в связи с чем случаи пропуска элемента **Ѣ** ($=E^N$) в позиции начала слога в рукописях отсутствуют. Напротив, в позиции после согласного диграф **ѠѢ** (**ѠѢ**) указывает на одну смыслоразличительную единицу, что создает условия для описки. Так, в Асс., где буква **ѠѢ** (**ѠѢ**) [= **Ѡ** (**Ѡ**) + **Ѣ** (**Ѣ**)] употребляется как после букв исконных палатальных, так и после непалатальных согласных (реже), на первых 25 листах рукописи был отмечен один пропуск второго элемента **Ѣ** (**Ѣ**) диграфа после **л**, в результате чего появилось написание с **Ѡ** (**Ѡ**): **҃лѢ** 20 (10с-13).

Подобным образом объясняются и написания с **Ѡ** (**Ѡ**) вместо **ѠѢ** (**ѠѢ**). Устройство глаголического юса большого **ѠѢ** (**ѠѢ**) (**Ѡ** + **Ѣ**) не имеет отношения к произношению носовой фонемы <ɔ> ([ɔ] или [o^m]) и не указывает на две фонемы, но отражает структуру дифференциальных признаков одной гласной фонемы: **лабиальность** + **назальность**. На уровне фонем эти признаки образовывали единство, которое графически выражалось с помощью двух знаков. Это противоречие и вызывало описку при внутреннем диктанте, когда первый написанный элемент диграфа ошибочно связывался с фонемой и поэтому заменял собой всю графему.

Отсутствие описок с первым элементом буквы **ѠѢ** (**ѠѢ**) также следует из закономерностей восприятия диграфа при внутреннем диктанте. Дело в том, что буква **ѠѢ** (**ѠѢ**), строго говоря, не может считаться диграфом, так как первый ее элемент нигде самостоятельно не употребляется: его нет ни в абecedариях, ни в глаголических рукописях, о чем свидетельствует надежный свод данных (*Synopsis der Abecedarien*), представленный в работе Р. Марти и В. Федера [Veder, Marti 2000: 234]²⁰. Подобно тому, как в глаголических рукописях отсутствуют описки с левым элементом графемы **ѠѢ** (**ѠѢ**) на месте всей буквы, в кириллических рукописях нет написаний с внутрискрипным знаком **Ѡ** вместо йотированных букв. Отсутствие такого типа описок объясняется тем, что в обоих случаях левый элемент графемы не обозначал отдельную фонему.

Таким образом, в примерах с первым элементом диграфа, заменяющим собой всю графему, просматривается иной, более сложный, тип описки, чем тот, который наблюдается при обычном пропуске буквы или слога «по не-

²⁰ Первый элемент буквы **ѠѢ** существует как самостоятельная графема в реконструкции первоначального глаголического алфавита, выполненной Н. С. Трубецким [Trubetzkoy 1954: 22]. А. А. Зализняк [Зализняк 1999: 547, 550] и Р. Марти [Marti 1999: 185], вслед за Н. Н. Дурново [Дурново 1929: 594, 611; 1930: 616], усматривали ту же графему в Мюнхенском абecedарии в алфавитной позиции после **Ѡ** («паукообразное» **Ѡ**). Публикация Ф. Мареша [Marš 1971: obr. 1] позволяет прочесть явно искаженный знак после **Ѡ** как большой юс (**ѠѢ**) (перевернутый на 90°), что следует из новейшей сводной публикации глаголических абecedариев [Veder, Marti 2000: 234].

внимательности». Периферийное положение диграфов в кириллическом и глаголическом письме было обусловлено их структурой, которая противоречила главному принципу древнейших славянских алфавитов одна графема — одна фонема. В связи с нарушением этого принципа диграфы становились факультативными элементами азбук и могли восприниматься не как единый знак, а как две отдельные графемы. Это и провоцировало ошибку внутреннего диктанта, когда первая написанная буква, соответствующая одной фонеме, заменяла собой весь диграф, который из-за этого оставался недописанным. Описки такого типа по-разному представлены в славянских рукописях, что объясняется индивидуальными особенностями восприятия отношений между буквой и фонемой (или же, если угодно, особенностями индивидуального «фонемного мышления») и его реализации на графико-орфографическом уровне (ср. «phonologische Denken» Н. С. Трубецкого [Trubetzkoy 1954: 15])²¹.

На фоне изложенного нужно учитывать и то, что в среднерусских памятниках фонетически необусловленное смешение *ѣ* и *ы* может быть вызвано не только особым типом описок, но и проницаемостью границ между бытовыми и книжными системами письма, так как бытовым системам особенно свойственно написание *ѣ* вместо *ы* и наоборот. Именно такая ситуация представлена в Архивском хронографе XV в. [РГАДА, ф. 181 (МГАМИД), № 279], в котором написания *ѣ* вм. *ы* (и наоборот) значительно превосходят по частотности остальные описки [Баранкова, Пичхадзе 2004: 45—46]. Не исключено, что такого рода написания в бытовой письменности обусловлены периферийным положением диграфов в древнейших азбуках, о чем шла речь выше. В этом случае проблему написаний *ѣ* вместо *ы*, *о* вместо *оу* можно рассматривать в более широкой перспективе.

²¹ Разумеется, такой подход имеет смысл только тогда, когда мы считаем фонему не научной абстракцией, инструментом для упорядоченного описания многочисленных звуков, представляющих собой открытое множество, а реальностью, существующей независимо от сознания носителя языка. Идея о том, что фонема представляет собой реальность, которая существует помимо наших знаний о ней, высказывалась уже Э. Сепиром [Сепир 1933: 298—312], который, в согласии с терминологией своего времени, говорил о «психологической реальности фонем (la réalité psychologique des phonèmes; the psychological reality of phonemes)»: «Трудности, которые, как кажется, многие продолжают ощущать при различении понимания этих двух категорий (звука и фонемы. — *Р. К.*) должны, вероятно, исчезать по мере роста понимания того, что никакая сущность в человеческом опыте не может быть определена адекватно как механическая сумма или производное ее физических свойств (разрядка моя. — *Р. К.*). (...) Неискушенный носитель языка слышит не фонетические элементы, а фонемы» [Сепир 1933: 298]. Показательно, что современный комментатор этих идей считает их «лингвистической истиной» [Кибрик 1993: 18]. Подход к фонеме как к «положительной и вполне специфической реальности» представлен, например, у А. Ф. Лосева [Лосев 1989: 88].

**Диалектные особенности БСП¹:
написания типа скървь-; новый ѣ**

Первый писец происходил с юга восточнославянского ареала, о чем свидетельствуют написания скървь L, 5, прискървно 7, прискървна 22 (ср.: скървь 4, скървьхъ 25 об.) с буквой ѣ после к, характерные именно для памятников, созданных на юге Древней Руси, где мы встречаем такие написания, как скървь, оскървѣты, скървѣти (Синайский патерик), скървь (Добрилово ев. 1164 г.), скърва, прискървна (Типографское ев. № 7 XII—XIII вв.), скървь (Галицкое ев. 1266—1301), скърва (Ев. № 25 /София/), скърваша (Одесское ев. XII в.) [Ягич 1889: 15, 26; Ляпунов 1907: 89; Тот 1985: 329; Колесов 1980: 98-99; Shevelov 1979: 60]²².

Не менее интересны следующие написания БСП¹. Речь идет о смешении букв ѣ и ѣ во флексиях перед слогом с исконным редуцированным и *i*-напряженным в конце слова: **О сѣмь познахъ ѡко въсхотѣ ми** 20 об., **по въсѣи земли** 26. Среди многочисленных примеров написаний ѣ вместо ѣ, известных в рукописях XI в., нет ни одного, который можно было бы сопоставить с формой о сѣмь [Дурново 1927]. В целом, в письменных памятниках XI в. нет никаких данных, которые бы могли отражать изменения фонемных отношений в оппозиции <е> — <ѣ>. Заметим, что иных случаев смешения ѣ и ѣ у первого писца БСП не отмечено, а исчерпывающий материал описок, приведенный выше, не позволяет нам видеть в формах **О сѣмь** 20 об., **по въсѣи** 26 какую-либо описку. Интересующие нас два написания не содержат следов правки или наведения текста, что заставляет обратить самое серьезное

²² А. А. Шахматов [Шахматов 1915: 158] не связывал написания типа скървь, скървь с диалектным членением языка восточных славян, считая, что эти примеры «явились результатом церковного произношения перенесенных из древнеболгарских памятников написаний скървь, скървѣти». Вместе с тем автор этих строк пока не готов полностью отказаться от точки зрения на форму *скървь* как пример неосуществления первой палатализации **k* перед **i* после **s* на юге восточнославянского ареала [Кривко 1998а: 7], хотя, как показано в работе Н. Н. Дурново [Дурново 1926а: 383—390], праславянское сочетание **sk* сохранялось только перед *ѣ* (← **oi*), например, в формах типа оскѣпъ, скѣпати, а также на воскѣ (сборник 13-ти слов Григория Богослова, XI в.); въ ѡлѣскѣи 457 (1326-7), (золѣвѣ) женьскѣ/ 542 (174г-16) (Изборник 1073 г.); (въ) мѡрьскѣи 177 (14-3-4), ѡлѣскѣ 366 (172 об.-7) (Изборник 1076 г.); см.: [Соболевский 1907: 213; Shevelov 1979: 58]. Первая палатализация в сочетании **sk* проходила последовательно, о чём говорит распространение слов щитѣ, щипѣ и др. Ряд исключений был описан Н. И. Толстым [Толстой 1999: 197—227] лишь на примере корней **geg-*, **gep-*, **kek-*, **kev-*, **kep-*; исключения во многом объясняются особенностями значения и функционирования лексем. И всё же думается, что окончательное решение вопроса о происхождении форм типа *скървь* ещё впереди; ср. [Крысько 2003: 350 (литература)]. Упомянутое различие во взглядах на происхождении написаний типа скървь, исключая точку зрения А. А. Шахматова, не касается основного положения о диалектном характере этой формы.

внимание на формы **О сѣмь** 20 об., по **вѣсѣ** 26. Выше было сказано, что принятая в отечественной научной традиции датировка памятника — XI в., а согласно Г. Ланту и И. Тарнанидису — рубеж XI и XII столетий. Следовательно, перед нами древнейшая фиксация «нового **ѣ**», открытого А. И. Соболевским [Соболевский 1884: 25] и описанного ранее в рукописях XII в., причем древнейшей из датированных является Добрилово евангелие 1164 г. К XII в. относится и Типографское евангелие № 7, согласно Н. Н. Дурново, «второй половины XII в.» [Дурново 1969: 58], другие книжные памятники датируются XIII и XIV вв. [Шахматов 1915: 300 (примеры, литература)].

При рассмотрении форм **О сѣмь** 20 об., по **вѣсѣ** 26 возникает закономерный вопрос: если данные написания действительно отражают новый **ѣ**, то почему мы не находим аналогичные формы в других памятниках XI в. южнорусского происхождения? Ответим, что особенности письма и состав графики БСП¹ выделяют памятник из ряда других рукописей XI в. (Изборники 1073 и 1076 гг. и Синайский патерик) наименьшим стремлением к следованию южнославянским образцам и отсутствием архаизирующих тенденций, что отразилось, в частности, не только в единичных примерах употребления **ж** (которые выглядят как исключения), но и в унификации обозначения фонемы ⟨а⟩ в слогах не после твердых согласных за счет обобщения функций графемы **ѧ** и вытеснения **ѧ**. Хорошее сохранение букв **ѣ**, **ѥ** в слабой позиции также является одним из результатов преимущественной ориентации писца БСП¹ на восточнославянский письменный узус. Кроме того, манере письма первого писца БСП красноречиво характеризует количество описок, несопоставимое ни с одним из упомянутых южнорусских памятников XI в. Все это позволяет ожидать появления во втором почерке БСП древнерусских диалектных инноваций, для которых были закрыты графика и орфография памятников, где более тщательно соблюдается старославянский письменный узус и более аккуратно записан текст.

Наконец, нужно учесть, что новый **ѣ** распространялся не повсеместно в южнорусском или даже галицко-волынском ареале, о чем говорит его отсутствие в Выголексинском сборнике или Галицком евангелии 1144 г. Не исключено поэтому, что в БСП¹ отразился именно такой южнорусский диалект, в котором новый **ѣ** развился раньше, чем в диалектах писцов других известных нам рукописей XI — первой половины XII в.

Более древнюю датировку появления нового **ѣ** дает Суздальский змеевик — «каменный амулет-филактерий, происходящий из ризницы Суздальского Рождественского собора и хранящийся ныне в Государственном Историческом музее (№ 19726)» [Гиппиус, Зализняк 1998: 540]. Его традиционная датировка (1189 г.) была относительно недавно серьезно уточнена: сегодня памятник датируется второй четвертью или серединой XII в. [Гиппиус, Зализняк 1998: 553, 556]. Убедительная расшифровка индивидуальной тайнописи позволила выявить в текстах змеевика не только новый **ѣ**, но и напряженное **о**, причем отражение противопоставления «двух фонем “типа **о**” примерно на век (если не более) опережает его отражение книж-

ными памятниками» [Гиппиус, Зализняк 1998: 552]. Как отмечают исследователи, случаи пропуска слабых редуцированных в текстах амулета отсутствуют [Гиппиус, Зализняк 1998: 554]. Это подтверждает мысль, что «удлинение *o (и *e) происходило раньше падения редуцированных, одновременно с формированием различия между “сильными” и “слабыми” ерами» [Николаев 1996: 210; курсив С. Л. Николаева]. Следовательно, Суздальский змеевик отражает такое языковое состояние, когда «слабые редуцированные еще сохраняли свое положение в слове, но их ослабленность уже успела сказаться в удлинении *o и *e предшествующего слога» [Гиппиус, Зализняк 1998: 555]. Очевидно, такой ослабленностью должна была быть утрата слоговости [ср.: Журавлев 1977: 37—40], что и вызывало явления слоговой компенсации в предшествующем слоге. Предложенное объяснение раскрывает причины появления нового ѣ уже в конце XI в. или начале XII в., что демонстрируют два написания в БСП¹.

Написание стюденць

На третьей и четвертой строках л. 35 большей синайской части БСП находится текст, хотя и выцветший (настолько, что нижняя половина стороны листа, начиная с девятой строки, аккуратно наведена поздним правщиком), но все же ясно читаемый на фотокопии: *низъведеши ѿ въ стюде/ньць истълѣнню*. На фоне хорошо известных в древних славянских рукописях замен ю на оу, ж на ю, ү на оу и на ю и наоборот на форму стюде/ньць можно было бы и не обращать внимания. Тем не менее рассмотренные типы отражения на письме тембровых характеристик в слогах с <u> не дают оснований для такого легкомыслия [Кривко 2004], более того, создают основу для надежного объяснения уникального для древнерусского периода написания.

Прежде всего укажем, что в славянских лексемах 1) буквы оу, ж менялись на ю, ѿ и наоборот только в позиции после букв исконно палатальных, 2) буква ю употреблялась после букв твердых согласных только под влиянием исконного ж [Кривко 2004 (литература)]; многочисленные написания в декабрьской служебной минее РГАДА, ф. 381, № 96²³ являются пока ис-

²³ Сплошной просмотр рукописи даёт следующую картину (в выборке не учитываются написания буквы ю после букв исконно палатальных типа лючь). Написания ю для обозначения <u> из <o>: *стюдица* 15 об., *люжюульнана* 15 об. и др., всего одиннадцать примеров; пять написаний ю для обозначения <u> из *<ou>: *дюшю* 20 об., *ѿтоудю* 35, *мирю* 35, *пастюха* 36, (*прѣкоу или рвьнюта*) *юданю* (также *кръстителеви*) 48 об. В этом же источнике отмечен ряд написаний, которые раскрывают отношение писца к использованию буквы ю вместо ожидаемой оу: во многих случаях буква ѿ написана после пробела по затёртой букве ю [Gottesdienstmenäum I, XXX, LIII]. Написания ѿ из ю для обозначения <u> из <o>: *мѿвительства* 3, *добр ѿю* 10 об. и др., 34 примера; ѿ из ю для обозначения <u> из *<ou>: *вогъразѿмьнъли* 1 об., *уистѿ* (dual.) 5 и др., 31 пример. Всего буква ѿ из ю, включая исправления, была написана для обозна-

ключением из общего правила, других рукописей, где столь широко была бы представлена буква ю для обозначения <u> (из *ou), нет. Более того, в названной минее буква ж вообще не употребляется, чего нельзя сказать о БСП¹. Добавим, что в БСП¹ отсутствуют замены ж на ю или оу на ю не после букв исконно палатальных, что не позволяет нам рассматривать написание *стюде/ньць* как проявление неустойчивости письменного узуса в обозначении <u>.

Внимательный взгляд обратит внимание и на то, что буква ю в форме *стюде/ньць* использована в конце строки, а следовательно, в этом написании можно было бы легко увидеть употребление «экономного» эквивалента ю вместо оу. Однако в БСП¹ буква ю не используется в конце строки как эквивалент оу — в этой позиции всегда употребляется ѝ. Примеры показывают, что написание буквы ю в форме *стюденьць* не обусловлено местом в строке, поэтому мы вправе цитировать его далее без косой черты.

На фоне сказанного нет никаких оснований отрицать фонологическую значимость формы *стюденьць*. До сих пор считалось, что сочетание *С'и* или *С'и* могло появляться в XI в. лишь в грецизмах с исконным *ч* (в формах типа *мюро*), тогда как самый ранний пример сочетания *т'и* (или *т'и*) был отмечен в новгородской берестяной грамоте № 904 (перв. четв. XII в.): *ѡ тюткы къ нѣжатѣ* [Янин, Зализняк 2000а: 5]. В комментарии разъяснено, что «имя *тют(ъ)ка* — либо иноязычного, либо звукоподражательного происхождения. (...) Словоформа *тюткы*, засвидетельствованная в столь ранней грамоте (...) показывает, что в эту эпоху уже допустимо сочетание [т'у]» [Янин, Зализняк 2000а: 5]. Написание *стюденьць* из БСП¹ доказывает, что сочетание *т'и* было возможным и раньше (в XI в.), причем не в заимствованной, а в исконно славянской лексеме.

Формы с корнем *стюд-* нередки в древнерусских рукописях. Однако просмотр КДРС и КСДРЯ не позволил найти пример древнее того, который известен по «Материалам» И. И. Срезневского, а значит, между написанием *стюденьць* из БСП и более поздними известными примерами лежит разрыв в четыре столетия: «*Стюденѣць, рекомѣи клдазь, близѣ на вѣ. Ип. л. 6767 г.*» [Срезневский III (1), 575]. Заметим, что три древнейшие фиксации корня *стюд-* отмечаются в памятниках южного или югозападнорусского происхождения: кроме БСП¹ и Ипатьевской летописи, к ним относится Рог. лет. 183, сер. XV в.: «(6917 г.) Бяшетъ бо тогда зима тяжка зѣло, и студень преизлише велика (361 об.)»; другие примеры более поздние: Сборник Нила Сорского 88, XVI в.: *вѣ же зима/ вна студена зѣло; рыба на стюдени/ сѣщи (...)* не смьрдить/ (33); Днев. зап. 57, 62: «(7168 г. Февраль 16) И тот день был

чения <u> из <о> 45 раз, а для обозначения <u> из *<ou> — 36 раз. Количественное соотношение примеров из обеих групп, в сопоставлении с аналогичным материалом Чудовской псалтири, Триоди Моисея Киянина и ряда сербских рукописей [Кривко 2004], позволяет заключить, что написания буквы ю на месте оу появились в декабрьской минее под влиянием написаний с ю на месте ж.

вѣтрень, была метѣлица, и в ночи студено же (120); ⟨..⟩ (7168 г. Март 5) I в тот день было студено (150)»; Дон. д. П, 677, 1645 г.: «А мы, холопи твои, наги и боси вконецъ погибли, помираемъ студеною смертью»; Пам. дипл. отн., 834, 1581 г.: «Студеное море»; Посольство Елчина, 335, 1640 г.: «Зимы бывають студены и реки замѣрзають»; ДАИ X, 302, 1686 г.: «⟨..⟩ въ такихъ далнихъ и сѣверныхъ студеныхъ странахъ»; Там же, 189, 1686 г.: «студеные морозы»; Кн. расх. Хлын., 28, 1679 г.: «Двои ноги на студень»; АИ П, 75, 1605 г.: «⟨..⟩ съ студена умереть».

Материал письменных источников имеет многочисленные соответствия в современных русских говорах. Областной великорусский словарь [Опыт, 219] отмечает три лексемы с корнем *стюд-*: «**студено**, нар. Холодно. См ол. Росл. Там б.; **студеный**, ая, ое, пр. Холодный. См ол. Росл. Там б.; **студень**, и, с. ж. Студень, желе. Там б. Твер. *Вышневолоц.*»; в специальном томе дополнений к этому словарю [Дополнение, 258] отмечена лексема «**студенец**, нца, с. м. Студень. Псков. Твер. *Осташ.*» Согласно данным современной русской диалектологии, форма *студено* развивается в *стидено* в результате делабиализации [u], поэтому вариант *стидено* как более поздний этап развития корня *стюд-* («картографируется условно как *студено*») [ДАРЯ III (справ.)]. Наречие *студено* не имеет четкого ареала на Европейской части России, причем относительно многочисленные ареалы употребления формы *студено* соседствуют с ареалами формы *студено*²⁴ [ДАРЯ III(2). Карта № 92. Наречия со значением ‘холодно’]²⁵.

Как следует из материала, в лексемах с исходным корнем **stoud-* осуществляется переход *tu-* → *t'u-* только в алломорфах корня с мягким *d'*, то есть *stud'-* → *st'ud'*-, тогда как перед твердым *d* сохраняется исконное сочетание *stud-*. Очевидный позиционный характер изменения доказывает, что написание *стюдѣньць*, отмеченное в БСП¹, представляет собой не только первый пример сочетания *t'u* в славянской письменности. Перед нами древнейший случай дистантной межслоговой ассимиляции согласных по признаку тембра в слогах не с исконными ⟨ъ — ь⟩²⁶. Впервые форму *студень* как резуль-

²⁴ В силу того, что древнейшие фиксации форм с алломорфом *стюд-* отмечены в памятниках южнорусского и юго-западного происхождения, эти формы можно рассматривать как распространившуюся на север южнорусскую или западнорусскую инновацию.

²⁵ Выражаю глубокую признательность Л. Л. Касаткину и Н. В. Пшеничновой за консультации по диалектному материалу и за возможность ознакомиться с неопубликованным выпуском ДАРЯ III(2).

²⁶ Явления межслогового сингармонизма в слогах с исконными ⟨ъ, ь⟩ подробно описаны в научной литературе [Соболевский 1893; Шахматов 1915: 66 (литература)]. Идеи А. И. Соболевского были подвергнуты критике Г. А. Ильинским [Ильинский 1917], однако его взгляды не получили развития в последующей традиции [Колесов 1980: 98—100; Зализняк 1995: 223]. В этот ряд надёжных примеров вписывается и древняя диалектная форма *скърбь* [Соболевский 1907: 90].

тат межслоговой ассимиляции объяснил А. И. Соболевский: «Влияние звуков последующего слога, мягкого, на предыдущий, твердый, выразилось ⟨..⟩ в смягчении согласного в этом последнем. Мы решаемся указать лишь два случая, где мягкость согласного — несомненно позднего происхождения. Это общерусское *стюден*, вместо *студен* (церковно-славянское *студь* и т. п.) ⟨..⟩, и великорусское *дюж*, вместо *джъжъ* (церковно-славянское *неджъ* и т. п.)» [Соболевский 1893: 30]. Добавим, что, по мнению М. Фасмера, в русском диалектном *скелья* (ср. украинское *скеля* ‘скала, утес’) «сохранение -к- перед -е- указывает, по-видимому, на древнее **скъль*, **скъля*, где ъ было ассимилировано последующему ъ» [Фасмер III, 638]. Диалектные (и просторечные) формы *стюденец*, *стюдень*, *стюдено* отражают тот же процесс, наблюдаемый и в других основах. К ним относится отмеченное А. И. Соболевским *ребенок* (из *робенок*) [Соболевский 1894: 51; Фасмер III, 453], украинское *дитина* (из *дѣтина*), северновеликорусское *цоловать* (из *цѣлювати*), упомянутое выше *дюжь*, а также многие другие диалектные и литературные восточнославянские формы, во множестве описанные А. И. Соболевским [Соболевский 1894: 27—30]. В этот ряд следует добавить современные диалектные *бисиком* и *бисиками*: «**Бисиками**, нареч. Босиком (если речь идет не об одном человеке). ⟨..⟩ Барнаул., 1929—1935. **Бисиком**, нареч. Босиком. Покр. Влад., 1910. Барнаул.» [СРНГ 1: 296]. На этом фоне едва ли стоит рассматривать как рядовую описку форму «(да шлюсь...) кинителного (дѣла мастера на Ульяна...)» АЮБ I, 648; 1648 г., на которую нам указала А. Н. Шаламова.

Ряд примеров межслоговой тембровой ассимиляции можно найти в заимствованной лексике, особенно в ономастике, греческого происхождения. Ср.: «**порфира (перфира, порфура)**, ж. ⟨..⟩ Иванъ же о перфирѣ царьстѣки являеть, нико же бо перфиры не носить, точию единъ царь (τὸ δὲ πορφύροϋν). Физ., 346. XV в. ⟨..⟩ Црѣ Дарии сътворилъ вечерю... всѣм одѣаннымъ въ перфиру (purpuras). (2 Ездр. III, 1—2) Библи. Генн. 1499 г. ⟨..⟩ **порфирный (перфиръный)**, прил. ⟨..⟩ Ткание же перфиръное многоцѣнное. Флавий. Полон. Иерус. (М.), 446. XVI в. ~ XI в.» [Сл. РЯ XI—XVII вв. Вып. 17. С. 144]. Б. О. Унбегаун [Унбегаун 1995: 48] описал процессы ассимиляции гласного заднего ряда с предшествующим гласным переднего ряда на примере фамилий *Нефедьев* (из *Μεθόδιος*) и *Нестеров* (из *Νέστορ*). В этот ряд примеров по недосмотру попала фамилия *Перфильев* (из *Πορφύριος*), где отражается то же направление ассимиляции предшествующего слога последующему, что и в формах *стюденьць*, *ребенок*, *бисиками*. В результате межслоговой ассимиляции появился вариант имени *Фотина*, *Фотинья (Фотиния)* — *Фетиния (Фетинья)* (греч. *Φωτεινή*), распространенный в «народном употреблении» [Соколова 2000: 177]. Обратный процесс ассимиляции гласного переднего ряда гласному заднего ряда имеет место в имени *Артамон* (греч. *Ἀρτέμων*) [Унбегаун 1995: 48].

Написание *стюденьць* выделяется из общего ряда примеров, открытых и описанных А. И. Соболевским и дополненных в данной статье. Уникаль-

ный пример из рукописи XI в. доказывает, что межслоговое взаимодействие, приводившее к смягчению согласного предшествующего слога под воздействием согласного последующего слога, было возможным одновременно с аналогичными процессами в слогах с исконными <ь — ъ>. Значит, можно уточнить замечание А. И. Соболевского, что мягкость согласного в формах с алломорфом *стюд-* «несомненно позднего происхождения» [Соболевский 1894: 30]. Относительно поздняя письменная фиксация других примеров с тем же вариантом корня (*стюд-*) объясняется особым статусом форм, отражающих межслоговой сингармонизм, в истории русского языка. Появление этих форм не является результатом действия фонетического закона, который, как известно, не знает исключений и имеет обобщающий характер. Еще А. И. Соболевский писал, что это явление межслогового взаимодействия «принадлежит к числу спорадических» [Соболевский 1893: 50]. Очевидно, именно вследствие своей спорадичности примеры межслогового взаимодействия не получили необходимого теоретического осмысления в исторической русистике. В дальнейшем рассмотренные выше примеры межслогового сингармонизма необходимо изучать в ряду форм типа *Глигории* (SJS 8 (1964), 434: s.v. Григории «apparent etiam formae ГЛИГОРИИ (semel in As Und, bis in Mak), ГЛИГОРЪ (bis in As)»), *Перфилий*, которые отражают межслоговую дистантную диссимиляцию согласных по признакам места и способа образования, свойственную и южнославянским языкам.

Теоретическим основанием для поиска понимания описанных явлений могут стать соображения Э. Косериу относительно последовательности и регулярности языковых преобразований, среди которых следует различать инновацию и языковое изменение; собственно изменение «представляет собой распространение или обобщение инновации, то есть оно является рядом последовательных принятий» [Косериу 2001: 54] инновации носителями языка. Рассмотренные случаи межслогового взаимодействия, к которым, возможно, добавятся и другие, нельзя назвать проявлением фонетического закона или отражением некоего языкового изменения. Как правило, они представляют собой ряд инноваций, которые не были обобщены в системе языка и остались существовать в пределах отдельных лексем.

Список сокращений

АИ II — Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. II. 1598—1613 гг. СПб., 1841.

Acc. — *Evangeliarum Assemani. Codex Vaticanus 3 Slavicus glagoliticus*. Т. II. Ed. J. Kurz. Pragae, 1955.

АЮБ I — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археологической комиссии под ред. Н. Качалова. Т. I. СПб., 1857.

Библ.(Рум.) — Пятикнижие, Книга Иисуса Наввина, Книги пророков, Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова. РГБ, ф. 256 (собр. Румянцева), № 28. XVI в.

БСП — An Early Slavonic Psalter from Rus'. Vol. 1. Photoreproduction. Ed. by M. Altbauer, with the collaboration of H. G. Lunt. Cambridge (Mass.), 1978 (предисловие, фототипическое издание петербургской (РНБ. Q. п. I. 73) и большей синайской (sin. slav. 6) частей); [Tarnanidis 1987: 249—281]: фототипическое издание меньшей синайской (sin. slav. 6/n) части).

ДАИ X — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. X. СПб., 1867.

ДАРЯ III(2) — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Карты. Выпуск III (часть 2). Синтаксис. Лексика. М., (в печати).

ДАРЯ III (справ.) — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат. Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Москва, 1996.

Днев. зап. — Дневальные записки приказа Тайных Дел 7165—7183 гг. / С предисл. С. А. Белокурова // Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. 1908. Кн. I (224). С. I—X, 1—224.

Дон. д. II — Донские дела. Кн. 2 // Русская Историческая Библиотека. Т. XXIV.

Дополнение — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. Издание Второго Отделения Императорской Академии наук. СПб., 1858.

Ен. — [Мирчев, Кодов 1965].

КДРС — Картотека древнерусского словаря, или Словаря русского языка XI—XVII вв. (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва).

Кн. прор. — РГБ, ф. 256 (собр. Румянцева), № 31. Книги 12-ти пророков, частично с толкованиями. XV в.

Кн. прор.¹ — РГБ, ф. 304/I (собр. Троице-Сергиевой Лавры, фундаментальное), № 89. Книги 16-ти пророков, с толкованиями. XV—XVI вв. ~ 1047 г.

Кн. расх. Хлын. — Расходная книга земского старосты города Хлынова Ивана Репина 1678—1680 гг. // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1905 г. Вятка, 1906. Вып. V—VI. Отд. II. С. 1—105.

КСДРЯ — Картотека словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва).

МЕ — Апракос Мстислава Великого / Изд. подгот. Л. П. Жуковская. М., 1983.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым Отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1852.

Пам. дипл. отн. — Памятники дипломатических отношений с Римской империей. Т. I. СПб., 1851.

Посольство Елчина — Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639—1640 гг.) / С предисл. С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1887. Кн. 2. С. 257—376.

Псалт. толк. — Псалтирь с толкованиями св. Феодорита Киррского. РГБ, ф. 256, № 334. XV в.

Рог. лет. — Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XV (Вып. 1). 3-е изд. (стереотипное). М., 1965.

СДРЯ I — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Т. I. М., 1988.

СК — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. / Л. П. Жуковская и др. (изд.). М., 1984.

Сл.РЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1 — 26 — М., 1975 — 2002 —.

Соборник Нила Сорского — Т. П. Леннгрэн. Соборник Нила Сорского. Ч. I. М., 2000.

Срезневский III(1) — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1912. (Репринт: М., 1989. Т. III, ч. 1).

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1 — М.; Л. / СПб., 1965 —.

Фасмер I—IV — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 3-е русск. изд. Т. I—IV. М., 1996.

Gottesdienstmenäum I — Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts. Teil 1: 1. bis 8. Dezember. Besorgt und kommentiert von D. Christians, A. G. Kraveckij, L. P. Medvedeva, H. Rothe, N. Trunte, E. M. Vereščagin / Hrsg. von H. Rothe, E. M. Vereščagin. Opladen, 1996. (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften; Bd. 98. Patristica Slavica; Bd. 2).

SJS 1—52 — Slovník jazyka staroslověnského. Seš. 1—52. Praha, 1958—1997.

Литература

Баранкова, Пичхадзе 2004 — Г. С. Баранкова, А. А. Пичхадзе. История «Иудейской войны» в Архивском хронографе. 1. Палеографические и графико-орфографические черты // «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод. М., 2004. С. 39—47.

Вайан 2002 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 2002.

Ван-Вейк 1957 — Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957.

Верещагин 2001 — Е. М. Верещагин. Церковнославянская книжность на Руси: Лингвотекстологические разыскания. М., 2001.

Винокур 1959 — Г. О. Винокур. Орфография как проблема истории языка // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 463—467.

Гиппиус, Зализняк 1998 — А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк. О надписях на Суздальском змеевике // Балто-славянские исследования. 1997. М., 1998. С. 540—562.

Гольщенко 1962 — В. С. Гольщенко. К вопросу о качестве плавного в корнях, восходящих к *ТЬРТ, *ТЬРТ, *ТЬЛТ // Историческая грамматика и история русского языка. М., 1962. С. 20—28.

Гольщенко 1982 — В. С. Гольщенко. Немаркированный знак ҃ в ранних восточнославянских рукописях // История русского языка: (Памятники XI—XVII вв.). М., 1982. С. 3—29.

Гольщенко 1987 — В. С. Гольщенко. Мягкость согласных в языке восточных славян XI—XII вв. М., 1987.

Гольщенко 2000 — В. С. Гольщенко. Конец строки и приемы его маркирования в раннем восточнославянском письме // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2000. М., 2000. С. 9—25.

Дурново 1924 — Н. Н. Дурново. Русские рукописи XI—XII вв. как памятники старославянского языка // Јужнословенски филолог. 1924. Књ. IV. С. 72—94.

Дурново 1925—1926 — Н. Н. Дурново. Русские рукописи XI—XII вв. как памятники старославянского языка // *Южнославянский филолог*. 1925—1926. Кн. V. С. 93—117.

Дурново 1926 — Н. Н. Дурново. О возникновении обозначений гласных в славянских алфавитах // *Избранные работы по истории языка*. М., 2000. С. 685—689.

Дурново 1926а — Н. Н. Дурново. Рефлексы *sk в славянских языках // *Избранные работы по истории языка*. М., 2000. С. 383—390.

Дурново 1926—1927 — Н. Н. Дурново. Русские рукописи XI—XII века как памятники старославянского языка // *Южнославянский филолог*. 1926—1927. Кн. VI. С. 11—64.

Дурново 1927 — Н. Н. Дурново. Рец. на: [Д-р. Ст. М. Кульбакин. Палеографска и језична испитавања о Мирослављевом јеванђељу. Сремски Карловци, 1925] // *Избранные работы по истории языка*. М., 2000. С. 708—718.

Дурново 1929 — Н. Н. Дурново. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов // *Избранные работы по истории языка*. М., 2000. С. 566—612.

Дурново 1930 — Н. Н. Дурново. Мюнхенский абecedарий // *Избранные работы по истории языка*. М., 2000. С. 613—623.

Дурново 1933 — Н. Н. Дурново. Славянское правописание XI—XII вв. // *Slavia*. Vol. 12. С. 45—82

Дурново 1969 — Н. Н. Дурново. Введение в историю русского литературного языка. М., 1969.

Живов 1998 — В. М. Живов. Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности // *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации*. М., 1998. С. 212—247.

Живов 1999 — В. М. Живов. В плъкн у ангелов, на диком брегѣ — ах! // *Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сборник к 70-летию Вяч. Вс. Иванова*. М., 1999. С. 777—791.

Жуковская 1983 — Л. П. Жуковская. Апракос Мстислава Великого — рукопись конца XI (рубежа XI—XII века) // *Апракос Мстислава Великого / Изд. подгот. Л. П. Жуковская*. М., 1983. С. 3—28.

Журавлев 1977 — В. К. Журавлев. Правило Гавлика и механизм падения редуцированных // *Вопр. языкознания*. 1977. № 6. С. 30—43.

Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Зализняк 1999 — А. А. Зализняк. О древнейших кириллических абecedариях // *Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова*. М., 1999. С. 543—576.

Зализняк 2003 — А. А. Зализняк. Древнейшая кириллическая азбука // *Вопр. языкознания*. 2003. № 2. С. 3—31.

Зализняк, Янин 2001 — А. А. Зализняк., В. Л. Янин. Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси // *Вопр. языкознания*. 2001. № 5. С. 3—25.

Замятина 2002 — Н. А. Замятина. Текстологический анализ русских иконных надписей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

Илчев, Велчева, 1995 — П. Илчев, Б. Велчева. Ижица // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 2. София, 1995. С. 49—50.

Ильинский 1917 — Г. А. Ильинский. Мнимая ассимиляция редуцированных гласных в праславянском языке // Изв. ОРЯС Имп. АН. Т. 22. 1917. Кн. 1. С. 188—204.

Кандаурова 1968 — Т. Н. Кандаурова. Случаи орфографической обусловленности слов с полногласием в памятниках XI—XIV вв. // Памятники древней письменности. М., 1968. С. 7—18.

Карский 1979 — Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. М., 1979.

Кибрик 1993 — А. Е. Кибрик. Э. Сепир и современное языкознание // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 298—312.

Князевская 1999 — О. А. Князевская. Предисловие // Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI—XII и конца XIII века. Ч. I. Рукопись. Текст. Комментарии: Исследование / Изд. подгот. О. А. Князевская, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиева. М., 1999. С. 7—40.

Колесов 1964 — В. В. Колесов. Падение редуцированных в статистической интерпретации // Вопр. языкознания. 1964. № 2. С. 30—44.

Колесов 1973 — В. В. Колесов. Праславянская фонема /ǫ/ в ранних преобразованиях славянских вокалических систем // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов (Варшава, 1973 г.): Докл. сов. делегации. М., 1973. С. 170—196.

Колесов 1980 — В. В. Колесов. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.

Колесов 1982 — В. В. Колесов. Введение в историческую фонологию. Л., 1982.

Косериу 2001 — Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история: (Проблема языкового изменения). 2-е рус. (стереотип.) изд. М., 2001.

Кривко 1996 — Р. Н. Кривко. Бычковско-Синайская Псалтирь как источник по истории славянской Псалтири // Религия и Церковь в в культурно-историческом развитии Русского Севера: (К 450-летию преподобного Трифона, вятского чудотворца). Т. 2. Киров, 1996. С. 30—35.

Кривко 1998 — Р. Н. Кривко. Бычковско-Синайская псалтирь как источник по истории русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

Кривко 1998а — Р. Н. Кривко. Бычковско-Синайская псалтирь как источник по истории русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

Кривко 2003 — Р. Н. Кривко. Бычковско-Синайская псалтирь; Бычковская псалтирь, Синайская кириллическая // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 450—451.

Кривко 2004 — Р. Н. Кривко. Функции буквы ҃ в древних славянских рукописях: (Преимущественно на материале Бычковско-Синайской псалтири) // Russian Linguistics. Vol. 28. № 3. (В печати).

Крысько 2003 — В. Б. Крысько. Русско-церковнославянские рукописи XI—XIV вв. как источник по истории старославянского и древнерусского языков: новые данные // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003 г.: Докл. рос. делегации. М., 2003. С. 339—355.

Кузнецова 1967 — И. Кузнецова. К истории русского письма и языка древнейшей поры // [Казанский государственный университет]. Вестник студенческого научного общества. Вып. 4. Общественные и гуманитарные науки. Казань, 1967. С. 82—92.

Лосев 1989 — А. Ф. Лосев. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М., 1989. С. 5—92.

Лукина 1968 — Г. Н. Лукина. Старославянские и древнерусские лексические варианты с начальными *а-я, ю-у, е-о* в языке древнерусских памятников XI—XIV веков // Русская историческая лексикология. М., 1968. С. 104—114.

Ляпунов 1907 — Б. М. Ляпунов. Несколько слов о рукописи евангельских чтений, хранящейся в библиотеке Императорского Одесского общества истории и древностей // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. XXVII. Одесса, 1907. С. 76—95.

Марков 1964 — В. М. Марков. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.

Миклас 1993 — Х. Миклас. От Преславския събор до Преславската школа. Въпроси на графематиката // *Palaeobulgarica* = Старобългаристика. Год. 17. 1993. № 3. С. 3—12.

Мирчев, Кодов 1965 — К. Мирчев, Х. Кодов. Енински апостол. София, 1965.

Невоструев 1997 — К. И. Невоструев. Исследование о Евангелии, писанном для новгородского князя Мстислава Владимировича в начале XII века, в сличении с Остромировым списком, Галичским и двумя другими XII и одним XIII века // Мстиславово евангелие XII века: Исследования. М., 1997.

Николаев 1996 — С. К. Николаев. *Histoire d'O* // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 203—242.

Попов 2003 — Г. Попов. Акrostих в гимнографическом творчестве учеников Кирилла и Мефодия // *La poesia liturgica slava antica*. XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Lubiana, 15—21 Agosto 2003). Blocco tematico n° 14. Relazioni. Roma; Sofia, 2003. С. 30—55.

Селищев 2001 — А. М. Селищев. Старославянский язык. 2-е (стереотип.) изд. М., 2001.

Семенов 2003 — А. И. Семенов. Наблюдения над графикой конца строки в новгородских грамотах на бересте // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Материалы международной конференции. Великий Новгород, 24—27 сентября 2001 г. М., 2003. С. 279—283.

Сепир 1933 — Э. Сепир. Психологическая реальность фонем // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1933. С. 298—312.

Соболевский 1884 — А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка. Ч. I. Киев, 1884.

Соболевский 1893 — А. И. Соболевский. Одно из редких явлений славянской фонетики // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 290. 1893. С. 48—51.

Соболевский 1894 — А. И. Соболевский. Из истории русского языка // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 337. 1894. С. 396—409.

Соболевский 1907 — А. И. Соболевский. История русского литературного языка. М., 1907.

Соколова 1930 — М. А. Соколова. К истории русского языка в XI веке // Изв. по русскому языку и словесности. 1930. № 3. С. 75—135.

Соколова 2000 — Т. П. Соколова. «Молчалива и грустна милая Светлана» // «Слова, слова, слова...»: Межвуз. сб. науч. трудов, посвященный 65-летию доктора филологических наук профессора И. Г. Добродомова. М.; Смоленск, 2000. С. 163—179.

Сперанский 1899 — М. Н. Сперанский. Из истории отреченных книг. I. Гадания по Псалтири // Памятники древней письменности и искусства. Изд. Общества любителей древней письменности. Вып. 129. СПб., 1899. С. 1—168, 1—99 (приложение).

Срезневский 1875 — И. И. Срезневский. Псалтирь без толкований русского письма XI века с гадательными приписками // Сб. ОРЯС Имп. АН. 1875. Т. XII. С. 38—62.

Столярова 1998 — Л. В. Столярова. Древнерусские надписи XI—XIV вв. на пергаменных кодексах. М., 1998.

Страхов 1998 — А. Б. Страхов. Об издании Путятиной Минеи (предисловие редактора) // *Palaeoslavica*. Vol. 6. 1998. С. 114—129.

Страхов 2001 — А. Б. Страхов. Об орнаментальных принципах организации строки в древнерусских текстах как основе графико-орфографического варьирования // *Palaeoslavica*. Vol. 9. С. 5—71.

Тодоров 1990 — А. Тодоров. Псалмы новой части Бычковской псалтири // *Palaeobulgarica* = Старобългаристика. Год. 14. 1990. № 1. С. 49—71.

Толстой 1998 — Н. И. Толстой. О непоследовательности первой палатализации заднебных согласных в славянских языках // Избранные труды. Т. III. Очерки по славянскому языкознанию. М., 1998. С. 197—227.

Тот 1975 — И. Х. Тот. Бычковская псалтирь XI в. // *Acta universitatis Szegediensis de Attila Josef nominatae. Dissertationes slavicae* (= Материалы и исследования по славяноведению). Szeged, 1975. Т. 8. С. 71—96, + 8 л. (фото).

Тот 1985 — И. Х. Тот. Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI — начале XII в. София, 1985.

Унбегаун 1995 — Б. О. Унбегаун. Русские фамилии. 2-е рус. испр. изд. М., 1995.

Успенский 1995 — Б. А. Успенский. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX в.). М., 1995.

Успенский 1997 — Б. А. Успенский. Древнерусские конадкари как фонетический источник // Избранные труды. Т. III. М., 1997. С. 209—245.

Христова 1991 — В. Христова. Бичковски псалтир. Текст. Индекс на словоформите // Годишник на Софийския университет «Климент Охридски». Фак. по слав. филол. Езикознание. 1991. Т. 79/2. С. 49—71.

Шахматов 1915 — А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

Щепкин 1967 — В. Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967.

Ягич 1883 — В. Ягич. *Quattor Evangeliorum codex Marianus glagoliticus*. Берлин; СПб., 1883.

Ягич 1889 — В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.

- Янин, Зализняк 2000 — В. Л. Янин. А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 гг.). М., 2000.
- Янин, Зализняк 2000a — В. Л. Янин. А. А. Зализняк. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1999 г. // *Вопр. языкознания*. 2000. № 2. С. 3—15.
- Diels 1932 — P. Diels. *Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch*. Heidelberg, 1932.
- Fučić 1971 — B. Fučić. *Najstariji hrvatski glagoljski natpisi* // *Slovo*. Vol. 21. 1971. S. 227—254 (+ VIII).
- Fučić 1982 — B. Fučić. *Glagoljski natpisi*. Zagreb, 1982.
- Gribble 1989 — C. E. Gribble. Omission of the Jer Vowels in Early East Slavic Manuscripts // *Russian Linguistics*. Vol. 13. 1989. № 1. P. 1—9.
- Hauptová 2000 — Z. Hauptová. Die altkirchenslavischen Akrostichen und die Glagolica // *Glagolitica*. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur. Wien, 2000. S. 47—53.
- Jurić-Kappel 2000 — J. Jurić-Kappel. Der Frašćić-Psalter (Wiener glagolitische Psalter) in der slavische Psaltertradition // *Glagolitica*. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur. Wien, 2000. S. 175—191.
- Lunt 1949 — H. G. Lunt. *The Orthography of Eleventh Century Russian Manuscripts*. Ann Arbor, High Wycombe, 1949.
- Lunt 1955 — H. G. Lunt. *Old Church Slavonic Grammar*. The Hague, Paris, 1955.
- Lunt 1976 — H. G. Lunt. The Bychkov Psalter // *Slovo*. 1976. № 25/26. P. 255—266.
- MacRobert 1989 — C. M. MacRobert. Two for the Price of One: the Psalter MS Peć 68 // *An offprint from: Oxford Slavonic Papers*. Vol. 22. 1989. P. 1—28.
- MacRobert 1990 — C. M. MacRobert. The Greek Textological Basis of the Early Redactions of the Church Slavonic Psalter // *Palaeobulgarica = Старобългаристика*. Год. 14. 1990. № 2. С. 7—15.
- MacRobert 1991 — C. M. MacRobert. What is a Faithful Translation? Changing Norms in the Church Slavonic Version of the Psalter // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 69. P. 401—417.
- MacRobert 1998 — C. M. MacRobert. The Textual Tradition of the Church Slavonic Psalter up to the Fifteenth Century // *Interpretation of the Bible*. Ljubljana, 1998. P. 921—941.
- MacRobert 2003 — C. M. MacRobert. On the Problems of Identifying a «Preslav Redaction» of the Psalter. 2003. [Unpublished Text of the Paper Presented for 13th International Congress of Slavists, Ljubljana, 2003, August 15—21].
- MacRobert 2003a — C. M. MacRobert. On the Problems of Identifying a «Preslav Redaction» of the Psalter // 13. *Mednarodni slavistični kongres*. Ljubljana, 15.—21. avgust 2003. 1. del. Jezikoslovje. Ljubljana, 2003. P. 288.
- Mareš 1971 — F. V. Mareš. Hlaholice na Moravě a v Čechách // *Slovo*. T. 21. S. 133—200 (+ II).
- Marti 1984 — R. W. Marti. Old Church Slavonic Nasal Vowels: V̆ or VN? // *New Zealand Slavonic Journal*. 1984. P. 119—152.
- Marti 1999 — R. W. Marti. Abecedaria — a Key to the Original Slavic Alphabet: the Contribution of the Abecedarium Sinaiticum Glagoliticum // *Thessaloniki, Magna*

Moravia: Proceedings of the International Conference Thessaloniki 16—19 October 1997. Thessaloniki, 1999. P. 175—200.

Marti 2000 — R. W. Marti. Die Bezeichnung der Vokale im Glagolica // Glagolitica. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur. Wien, 2000. S. 54—76.

Miklas 1988 — H. Miklas. Zur Struktur des kirillisch-altkirchenslavischen (altbulgarischen) Schriftsystems: (Ein Systematisierungsversuch) // Palaeobulgarica = Старобългаристика. Год. 12. 1988. № 3. С. 52—65.

Nedeljković 1971 — O. Nedeljković. Neke inovacije u fonološkom sistemu prvobitne glagoljice // Slovo. Vol. 21. 1971. S. 79—93.

Nuorluoto 1994 — J. Nuorluoto. Die Bezeichnung der konsonantischen Palatalität im Altkirchenslavischen. Eine graphematisch-phonologische Untersuchung zur Rekonstruktion und handschriftlichen Überlieferung. München, 1994.

Nuorluoto 1995—1996 — J. Nuorluoto. Besaß die Urglagolica Digraphen? // Croatica. 1995—1996. Vol. 42, 43, 44. S. 303—322.

Schaeken 1994 — J. Schaeken. Altkirchenslavische Silbentrennung und reduzierte Vokale am Zeilenschluss // Dutch Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists, Bratislava: Linguistics. Amsterdam, 1994. S. 369—387.

Schaeken 1995 — J. Schaeken. Line-final Word Division in Russian Birchbark Documents // Russian Linguistics. Vol. 19. 1995. № 1. P. 91—108.

Shevelov 1979 — Y. Shevelov. Historical Phonology of the Ukrainian Language. Heidelberg, 1979.

Tarnanidis 1988 — I. C. Tarnanidis. The Slavonic Manuscripts, Discovered in 1975 at st. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessalonici, 1988.

Tkadlčík 1956 — V. Tkadlčík. Trojí hláholské i v Kijevských listech // Slavia. Vol. 25. 1956. S. 200—216.

Trubetzkoy 1954 — N. Trubetzkoy. Altkirchenslavische Grammatik. Wien, 1954.

Veder 2000 — W. R. Veder. Das glagolische Alphabet der Azbučna Molitva // Glagolitica. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur. Wien, 2000. S. 77—87.

Veder, Marti 2000 — W. R. Veder, R. W. Marti. Die Freiburger Diskussionsrunde zur Entstehung der Glagolica // Glagolitica. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur. Wien, 2000. S. 227—243.

Vrana 1964 — J. Vrana. Glagoljski grafemi **Ѣ** — **Ѣ**, **ѢѢ** — **ѢѢ** i njihova ćiriliska transcripcija // Slavia. Vol. 33. 1964. S. 171—181.

Worth 1985 — D. S. Worth. Mirror reversals in Novgorod Paleography // Language and Literary Theory. In Honor of Ladislav Matejka. Ann Arbor, 1985. P. 295—306.

Worth 1996 — D. S. Worth. OMEGA, especially in Novgorod // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. P. 70—82.